

ПОЛИНА
ЕЛИЗАРОВА

СОБАЧИЙ
РАЙ

18+

НЕИЗМЕННО НАСТУПАЕТ ВОЗРАСТ,
КОГДА ПРОШЛОЕ СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ БУДУЩЕГО

Другим взглядом. Психологические романы П. Елизаровой

Полина Елизарова

Собачий рай

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Елизарова П.

Собачий рай / П. Елизарова — «Эксмо», 2023 — (Другим взглядом. Психологические романы П. Елизаровой)

ISBN 978-5-04-180062-8

Новый роман Полины Елизаровой «Собачий рай» — об эгоизме и страсти, которые отдаляют человека от него самого, такого, каким он был, когда еще не знал соблазнов мира. Герои романа мучительно ищут ответы на волнующие их вопросы. Как обрести гармонию? Что нужно сделать, чтобы ощущать свою жизнь как праздник и наслаждаться каждым ее мгновением? Как избавиться от мук совести, если ради спокойствия ближнего приходится поступаться не только своими мечтами, но и чужой жизнью? Параллельно с основным — психологическим и детективным — сюжетом разворачивается драма из жизни бродячих собак, в которой нет места притворству и предательству, но есть самоотверженная любовь — основа мировой гармонии.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180062-8

© Елизарова П., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

1	6
2	35
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Полина Елизарова

Собачий рай

© Елизарова П., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

«Угораздило же эту чертову дрянь возникнуть снова!» – бесилась, собираясь на выход, Самоварова.

Утро не задалось с самого начала.

Как только встала с кровати – все валилось из рук.

Сначала она запнулась о сланец доктора, который почему-то валялся у дверного проема, и больно, до рези в глазах, ударилась большим пальцем ноги о косяк.

Кран в ванной выдал только холодную воду – как позже выяснилось, у соседей по стояку случилась протечка и сантехникам на время пришлось перекрыть горячую. Пока дозванивалась в управляющую компанию, сбежал кофе. Несмотря на наличие в доме солидной кофемашины, Варвара Сергеевна предпочитала пить кофе из турки.

Затем, уже не на шутку заведенная и размашистая в движениях, она облила любимый шелковый халат свежесжатым соком, заботливо оставленным мужем.

А еще так некстати закончилась тушь для ресниц! Пришлось по старинке разбавлять водой.

Встреча с гардеробом тоже прошла нерадостно – прошлогодние льняные брюки болтались на талии, утончившейся за суматошную, полную новых забот весну, а колени у самых классных джинсов неожиданно оказались растянутыми.

С грехом пополам собравшись, Варвара Сергеевна решила не трогать сегодня мотик, а пройтись пешком, и потому напялила мешковатое, не самое любимое, зато удобное бледно-сиреневое трикотажное платье – подарок дочери на Восьмое марта.

Был последний день мая, и все вокруг ликовало в предвкушении грядущей «маленькой жизни» – лета ¹.

Гоняли на скейтах и самокатах, так и норовя сшибить прохожих, беспечные подростки; бабульки, забыв про ковид, оккупировали дворные лавки и провожали прохожих настырными въедливыми взглядами, девицы разрядились в пух и прах и отвыкшими за зиму от высоких каблуков ножками, кто чуть прихрамывая, кто косолапя, не вспоминая про необходимый ныне атрибут – маску, неслись навстречу своим обманчивым мечтам.

У Самоваровой со вчерашнего вечера в душе был полный раздрай – в ее жизни вновь объявилась Регина.

Эта дрянь была хорошим психологом.

Сообщение на Вотсап она прислала в девять вечера – умело рассчитанное время, когда любой человек, устав от суетливого дня, посвящает себя семье, а биологические часы уже настраиваются на «режим сна».

Написала она следующее:

«Аря, клянусь, обратиться больше не к кому! В моей жизни полная жопа, мне очень нужно с тобой встретиться. Не бойся, деньги не нужны!!! Буду ждать тебя завтра в нашем кафе на Невском в 13.00. Умоляю, приди! Целую».

Когда это чертово послание прилетело, Варвара Сергеевна как раз закончила утомительный разговор со своей Анькой.

Дочь, четыре года назад ставшая матерью, в течение пятнадцати минут в своей обычной эмоциональной манере выносила ей мозг. Перебивая и не давая вставить ни слова, жаловалась то на мужа, то на маленькую дочку, обвиняя не только их, но даже милейшего пожилого районного педиатра в махровом эгоизме.

¹ Отсылка к песне Олега Митяева «Лето – это маленькая жизнь» (ст. Олега Митяева, муз. Константина Тарасова).

Наспех простившись с дочерью и нажав отбой, Варвара Сергеевна, привыкшая раскладывать все по полочкам, уяснила для себя следующее:

1. Ее дочь устала.
2. Ее дочь смертельно устала.
3. Приходящая через день «безрукая» и «душная» няня устала тоже.
4. Летом девочке в кишашем ковидными больными городе будет плохо.
5. Денег снять дачу у молодых родителей, планирующих потратиться на новую машину, нет.

Ощущая после разговора привычную опустошенность, Самоварова прикрыла глаза. Но, едва она хотела, применив дыхательную гимнастику, восстановить энергию, как мобильный настырно булькнул поганым сообщением.

Регину она в последний раз видела почти пять лет назад, в странную новогоднюю ночь, и хоть и молила небеса о том, чтобы это была их последняя встреча, но, повинувшись какому-то неясному предчувствию, номер чертовки из контактов не удалила.

Первое, что она почувствовала, когда прочла сообщение, было сожаление о том, что, простившись тогда с Региной (как опрометчиво полагала – навсегда), не сменила номер мобильного.

Самоварова встретила вернувшегося с работы доктора, крутя в голове возможные причины внезапного желания самоназначенной «доченьки» повидаться.

Соорудив на скорую руку ужин – стейки из семги и салат, Варвара Сергеевна, не переставая думать о Регине, невпопад отвечала на вопросы Валерия Павловича.

Доктор же, как назло, разговорился.

Пока Варвара Сергеевна прибирала после ужина на столе, он заварил травяной чай, почти без пауз рассказывая свои «врачебные» новости.

Обратив наконец внимание на рассеянность супруги, он шутивным тоном принялся расспрашивать, как прошел день.

Варвара Сергеевна неохотно рассказала о разговоре с дочерью.

– Замоталась девчонка, неплохо бы им с Линой отдохнуть, – многозначительно глядя на жену, подытожил доктор.

– Так поехали бы они втроем куда-нибудь... Допустим, в Сочи.

– Вероятно, у них сейчас нет такой возможности. Да и у Олега с отпуском пока ничего не известно.

– И что ты предлагаешь? – не глядя на доктора, спросила Варвара Сергеевна и схватила из вазочки с залежалыми шоколадными конфетами одну, в яркой обертке.

Она прекрасно понимала, куда он клонит.

– Что предлагаю? Я уже предлагал не раз. Свою дачу.

– Валер, – ей было невмоготу вести с доктором подобные разговоры, – ты же знаешь, мне всегда было непросто с Аней... А теперь, когда у нее развился очередной невроз, связанный с малышкой, взаимодействовать с ней круглосуточно будет для меня невыносимо...

Дочь свою Варвара Сергеевна очень любила.

Преимущественно – на расстоянии.

За пару-тройку часов личного общения лимит позитива, на который она настраивала себя перед встречей, увы, исчерпывался. Ее дочь была хорошим и искренним человеком, вот только изумительно бестактным, а еще нетерпеливым и неуравновешенным.

И внучку она портила.

Малышка Анжелина благодаря бесконечному кудахтанью Аньки не отличалась покладистым характером и росла не по возможностям родителей чрезмерно требовательной. Новая игрушка надоедала ей уже через пару дней, а если не удавалось получить желаемое по-

хорошему, ее гибкое детское подсознание всякий раз придумывало и рождало какую-нибудь болячку.

В последний год, когда дочь, начав сходить с ума от бытовухи, вернула себе три рабочих дня, расписанных по часам в «зуме», болячки Анжелины так и сыпались одна за другой. Не успевала Варвара Сергеевна по настоянию Аньки (няньке дочь не слишком доверяла) примчаться к ним и заварить кукурузных, для выгона желчи, рылец, как дочь звонила или писала и жаловалась, что у девочки саднит горло или заложило нос.

Педиатр из районной поликлиники, пожилой, глубоко несчастный еврей, очарованный Анькиной кипучей женской энергией, практически прописался в их доме, и в рамках полиса ОМС Анжелине обследовали все, что можно, и ничего серьезного не нашли.

Два раза в неделю к малышке ходили репетиторы – один учил ее английскому, другая – французскому. У дочери, переводчика с французского, с энтузиазмом занимавшейся языком со студентами вузов и школьниками, на родную дочь не хватало терпения.

Еще малышку водили на плавание и гимнастику.

С позиции возраста и пусть и не однозначно положительного, но все же материнского опыта Варвара Сергеевна не раз пыталась объяснить дочери, что ребенок, чувствуя эмоциональную неустойчивость матери, манипулирует ею и что серьезная для столь юного возраста нагрузка не идет на пользу неокрепшей нервной системе.

Подобные разговоры неизменно заканчивались конфликтом.

На все аргументы матери Анька вытаскивала пикового туза: «Я хочу, чтобы моя дочь имела все самое лучшее, а не росла, как я, между соседками, вечно занятыми своими делами бабками и детским садом».

Олег, счастливый отец, вкальвывавший на двух работах, от воспитания малышки был практически отстранен, а доктор, обожаемый Анькой отчим, не лез в непростые отношения теперь уже трех дам, ставших членами его семьи.

– Мне кажется, ты сможешь найти в себе силы и справиться с этим, – тоном заслуженного и подуставшего к концу рабочего дня врача сказал Валерий Павлович. – Это ведь все ради девочки... На даче ей будет хорошо.

– Конечно! – Варвара Сергеевна развернула конфету и машинально положила в рот. – Спасибо, Валер, – сухо добавила она, – за твое волшебное предложение.

Кроме раздражения, этот разговор никаких других эмоций у нее не вызвал. К тому же думала она в тот момент вовсе не о дочери и внучке, а о чертовой Регине.

Воспоминания о Регине не давали заснуть.

Под мирное сопение уставшего за день Валеры Самоварова, мусоля в руках телефон, полночи проторчала в интернете: желая хоть на что-то отвлечься, читала ленты. Начав с новостей о том, что происходит в стране и за ее пределами, она незаметно перешла на обзоры косметических средств от модных блогерш, затем скатилась до слухов и сплетен из жизни селебритиз, совершенно ей не интересных.

Регину близкие – доктор, Анька и Олег – видели лишь раз, в ту странную новогоднюю ночь.

Самоварова представила ее как бывшую сослуживицу; домашних, хоть им и показалось тогда необычным появление в их тесном семейном кругу незнакомого человека, это объяснение как будто удовлетворило.

Все, что было связано с этой женщиной, ощущалось темной и опасной энергией, похожей на надвигающуюся, готовую все поглотить волну.

Регина была нездорова душой.

А еще хитра и коварна.

Но от тяжелого, ненужного и глубинного чувства вины за исковерканную обстоятельствами жизнь этой дряни Варвара Сергеевна избавиться так и не смогла.

Выйдя на Невский, Варвара Сергеевна на ходу набрала Аньку.

– Доча, мы тут с доктором вчера подумали, – замедлив шаг, не слишком уверенно начала она. – Почему бы тебе с малышкой не пожить у него на даче?

На другом конце связи напряженно молчали.

– Ну... А ты? – раздался ожидаемый вопрос.

– Мы будем с доктором приезжать. По пятницам или субботам, на выходные. И Олег твой, вероятно...

– Здорово придумали! – хмыкнула дочь. – Чтобы я одна с ребенком всю неделю сидела в чужом доме, в лесу!

– Не надо так рассуждать. – Варвара Сергеевна попыталась придать голосу уверенности, которой не было у нее самой. – Во-первых, это не чужой дом в каком-то лесу, а вполне комфортная для проживания дача. Во-вторых, это *наша* с доктором дача.

– Мам! – перебила Анька. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я! Олег сейчас отпуск взять не может, а без помощника нам с Линкой делать там нечего. Я одного не могу понять: разве ты так сильно занята, что не можешь поехать с нами? – выпалила она именно то, что Самоварова ожидала и боялась услышать.

– Возможно, ты не помнишь, но я тоже работаю. А еще живу с мужчиной, которому... за которым нужен уход... – прибавила Самоварова совсем вялый и глуповатый в наше время даже на слух аргумент.

Валерий Павлович, проживший большую часть жизни холостяком, прекрасно справлялся с бытом и даже частенько сам готовил еду. И Анька об этом, конечно, знала.

– Уход?! Он что, тяжелобольной?! Он вон ковидом два раза переболел – не заметил! – продолжала нападать дочь. – Насколько понимаю, твоя деятельность у Никитина не требует постоянного присутствия в офисе. Ты же фрилансер. У тебя есть ноут, а инет сейчас есть везде.

– Да, но... – Меньше всего Самоваровой хотелось оправдываться перед дочерью. – Мне нередко приходится встречаться в городе с людьми.

– И что?! Села на свой мотик – и поехала! – тоном недовольной начальницы бубнила дочь. – А Палыч твой целых шестьдесят лет без твоего ухода обходился.

Варвара Сергеевна почувствовала, что начинает закипать.

– Дорогая моя, – после паузы ледяным тоном продолжила она, – я взрослый человек, и позволь мне без твоего участия оценивать нашу с доктором жизнь. Жаль, что приходится говорить тебе, давно взрослому человеку, столь очевидные вещи.

– Очевидное заключается в том, что ты не хочешь жить со мной на комфортабельной, как ты выражаешься, даче. При этом считаешь, что мне с маленьким ребенком и без помощи там будет норм.

– Я никак не считаю! Вчера ты жаловалась, что Лине в городе плохо. Мы с доктором предлагаем решить этот вопрос без дополнительных финансовых затрат. Что опять-то не так?!

В порыве эмоций Варвара Сергеевна остановилась посреди дороги, и встречный полненький мужчина, спешивший куда-то в «весеннем», в красно-зеленую клетку, пиджаке, громко чихнув, с любопытством на нее оглянулся.

Два молоденьких, щедро украшенных тату и дымивших «электронками» парня, нахально стоявшие посреди тротуара, скользнув по толстяку взглядом, над чем-то от души загоготали.

– Что за шум? Ты идешь куда-то? Ладно... – выдавила Анька. – Обсужу с Олегом, сообщу. И... ты контактируешь с ребенком, не забывай, пожалуйста, надевать маску в общественных местах.

Варваре Сергеевне мучительно захотелось выругаться матом.

– Договорились, – ответила она и нажала отбой.

Надев перед входом ненавистную маску, она вошла в кафе взвинченная пуще прежнего. Тоненькая, совсем еще девчонка, официантка с черным лоскутком на пол-лица любезно указала на свободный столик.

– Я могу сесть у окна? – Самоварова кивнула в сторону стоявшего в проеме большого арочного окна столика, за которым когда-то сидела с Региной.

– Пожалуйста... – немного недовольно протянула та.

Кафе было обычным, не статусным, и бронирование здесь не входило в систему обслуживания. Вероятно, кто-то попросил девчонку этот столик попридержать.

Варвару Сергеевну на долю секунды накрыло желание уступить, но делать этого она не стала и, не глядя на официантку, уверенно прошла к окну.

Девушка молча положила перед ней меню.

Дождавшись, когда она отойдет, Варвара Сергеевна стянула маску на подбородок. Пролыстывая ламинированные страницы с яркими картинками десертов и всевозможных вариантов кофе, Самоварова удрученно думала об Аньке и внучке.

«Варя, всегда помни: это ее, а не твой ребенок!» – весьма кстати, отмазкой для совести, всплыли в памяти слова, которые как-то произнес Валерий Павлович, когда дочь в очередной раз пыталась грузануть ее своими семейными проблемами.

Но в ней тут же недовольно завозилось нечто глубинное, кровное, связывающее невидимыми ниточками с дочерью, то, к чему неприменимы разумные аргументы.

Особых дел у нее сейчас в городе не было.

За совместное частное расследование, которое завершилось пару недель назад, Никитин на днях с ней рассчитался, других заказов пока не поступало.

Сотрудничество с бывшим начальником и бывшим любовником, с поправкой на новый, все больше заочный формат работы, сделало жизнь Варвары Сергеевны хоть и не такой живой и насыщенной, какой она была до болезни и увольнения из органов, но все же насыщенной и совсем не скучной.

Принципиальное отличие от прежней работы заключалось в том, что ей пришлось за короткий срок освоить множество полулегальных и нелегальных поисковых баз и научиться работать с популярными соцсетями.

По большей части ее задача заключалась в составлении психологического портрета интересующего заказчика объекта, что позволяло делать прогноз его дальнейших действий или же, применяя анализ, искать причины возникшей в прошлом конфликтной ситуации между заказчиком и объектом.

Для составления полноценной картины нередко приходилось наблюдать за объектом – с соседних столиков ресторанов или кафе, которые он облюбовал.

Делами криминального типа, которые требовали оперативной работы, полковник занимался сам, подключая к частному расследованию дружественных полицейских.

От юрлица полковника на карту Самоваровой приходили деньги «за оказанные консультации», налоги самозанятая Варвара Сергеевна платила сама.

Ввиду всех этих обстоятельств она, конечно, могла в любой момент взять отпуск, в силу сорокалетней дружбы с Никитиным – хоть на все лето.

Вот только копаться в инете, вести наблюдение и анализировать мотивы подозреваемого было куда интересней, чем колготиться целыми днями по хозяйству рядом с беспокойной дочерью и требовательной внучкой.

– Что-нибудь выбрали? – незаметно подошла и нависла над ней тоненькая официантка.

– Э... жду знакомую. Закажем, когда придет.

Варвара Сергеевна увидела в окно, как к кафе подъехало «Яндекс»-такси эконом-класса.

Открылась задняя дверца, и из машины вышла яркая, высокая и худая блондинка.

Следом, смешно пятась задом, вылез ребенок, одетый как маленький денди: в темные брюки, полосатую рубашечку и бархатный, винного цвета, жилет.

Длинноногая молодая женщина, в больших, закрывавших пол-лица черных очках, в обтягивающих лосинах и белой майке-размахайке больше смахивала на звезду Инстаграма, чем на заботливую мамашу, – хотя в наше время большинство инстаграмных мамаш примерно так и выглядит.

В руке женщины был пухлый рюкзачок с принтом известного модного дома.

Варвара Сергеевна почувствовала, как что-то кольнуло в самое сердце – сомнений не было, это была Регина, в очередной раз поменявшая стиль и цвет волос.

Ожидая, когда парочка зайдет в кафе, Самоварова судорожно прокручивала в голове возможные варианты грядущего разговора.

«И что же ей нужно?! Неужто хочет с моей помощью разыскать отца мальчишки? Так у нее ищеек полно... А на просторах инета она шарит почище моего. Сколько сейчас ее ребенку? Эта дрянь залетела примерно тогда же, когда и Анька. Значит, родился в конце лета. Получается, как и Линке, около пяти...»

С места, где сидела Варвара Сергеевна, вход в кафе не просматривался.

Прошла минута-другая, а Регина так и не появлялась.

Самоварова напряженно следила за проходом, ведущим к дверям в туалетные комнаты – по нему продефилировали две шумные, нарядные, средних лет дамы. Одна из них передала подруге самую престижную в мире большого размера сумку и юркнула за дверь.

Прошла еще минута-другая.

Варвара Сергеевна заметила какое-то оживление: тоненькая официантка и ее коллега, молодой парень, стояли к Самоваровой спиной и, склонив головы, с кем-то разговаривали.

Когда они расступились, Варвара Сергеевна увидела, как мальчик, вышедший с Региной из такси, с трудом удерживая на плече рюкзачок с принтом, движется в ее сторону.

– Вот она! – Он обернулся на сотрудников кафе и ткнул пальцем в Самоварову. – Аря! Моя бабушка!

К столику, следом за мальчиком, уже спешил мужчина в темной униформе, судя по осанке и нетерпеливому выражению лица – управляющий.

– Добрый день. Это ваш ребенок?

Но мальчишка, чья жилетка винного цвета раздражала глаз, не дал опомниться:

– Да! Это – Аря. Варвара. Моя бабушка по маме.

Самоварова уставилась на него изумленным взглядом и тотчас заметила, что в его черных, обрамленных пушистыми густыми ресницами глазах сквозила отчаянная мольба.

– А... где твоя мама? – только и выдавила она из себя.

– Уехала. Сказала побыть с тобой.

– Это ваш ребенок? – настойчиво повторил свой вопрос управляющий.

Самоварова неуверенно кивнула.

Управляющий несколько секунд постоял у столика и, что-то прикинув про себя, отошел.

Мальчишка уверенно потянул к себе свободный стул и, слегка помогая себе ручонками, ловко на него взобрался.

На скуластом смугловатом лице мелькнула не то боязливая, не то глумливая улыбка. Если бы не детская нежность кожи и черт лица, этот разряженный мальчишка скорее напоминал бы юного карлика, чем маленького ребенка.

В горле у Варвары Сергеевны пересохло.

– Надолго она отъехала? Твоя мама?

Варвара Сергеевна поглядела на рюкзачок, который он, перед тем как сесть, плюхнул на пол рядом со стулом.

– Непонятно, – пожал плечами мальчишка.

Голова гудела.

Она совершенно не понимала, как выстраивать дальнейшую беседу.

– Пять минут назад я видела твою маму в окне. Вы вместе приехали сюда на такси!

Мальчик кивнул и по-хозяйски придвинул к себе меню.

– Можно мне пирожное заказать? И лимонад? – скорее констатировал, чем спросил он. – Ты же сегодня при деньгах? – окончательно огорошил он Варвару Сергеевну.

– Э... а мама твоя что думает на этот счет?

Теперь мальчик глядел лукаво:

– Она про это не сказала.

Конечно, не сказала. Мальчишке не было еще и пяти. И с чего бы ему быть тактичным?! Тем паче с такой мамашей...

– А что она сказала?

– Сказала найти тебя в кафе. И передать вот это...

Мальчик смахнул со лба налипшую прядь волос, деловито залез во внутренний карман вампирской жилетки и протянул Варваре Сергеевне сложенный вчетверо белый лист.

Выхватывая его из рук мальчишки, Самоварова уже знала – содержимое бумаги не предвещало ничего хорошего. Если бы сейчас этот малыш клацнул зубами и обнажил клыки, она бы не удивилась.

«Аря. Прости. Я вынуждена срочно уехать. Люди из прошлого не дают нам спокойно жить. Пригляди за моим сыном, пожалуйста!!! Я вернусь, как только смогу. Связи со мной пока не будет, когда он к тебе подойдет, я вытащу батарею из мобильного. Ты же знаешь, у нас, кроме тебя, во всем свете никого больше нет. Еще раз прости. Прости меня за все. Регина».

Несмотря на то что в кафе было прохладно – работал кондиционер, Варвара Сергеевна почувствовала приступ духоты. Лицо горело, руки дрожали.

«Люди из прошлого! – стучало в голове. – Все этой дряни неймется, все играет с огнем!»

– Как тебя зовут? – едва справляясь с волнением, обратилась она к ребенку, как ни в чем не бывало разглядывавшему картинку меню.

– Жаруа.

– Как?!

– Расслабься, – скривил мальчишка розовые и тонкие, будто нарисованные акварельной краской губы. – Мама называет меня Жора.

К столику вернулась официантка:

– Определились?

Девчушка с любопытством разглядывала нарядного чернявого мальчика, он же глядел выжидающе на Самоварову.

– Ладно... Скажи, какое хочешь пирожное, – сдалась Варвара Сергеевна.

– Два эклера: шоколадный и ванильный. И еще... чизкейк!

– Какой именно? У нас есть вишневый, карамельный и классический, – заученно отработала официантка.

– Вишневый. И лимонад. И еще вот это! – Мальчик быстро прокрутил страницы меню и ткнул пальцем в какой-то многослойный, посыпанный шоколадом десерт в стаканчике.

– Вместо шоколадного эклера? – улыбаясь, уточнила девчушка.

Мальчик, сдвинув густые черные бровки, задумался и неохотно выдавил:

– Ага.

– А попа у тебя от трех десертов не треснет? – не сдержалась Самоварова.

– Ты прямо как мама сейчас сказала! – улыбнулся мальчишка, и на сей раз его улыбка была по-детски обезоруживающей.

– Хорошо. Девушка, принесите, пожалуйста, все это и для меня двойной эспрессо.

– А из десертов что для вас?

Самоварова была неисправимой сладкоежкой.

Живя с доктором, лакомиться дома она почти не могла – в последние ковидные годы Валерий Павлович, почти полностью отказавшийся от сахара, пуце прежнего следил за тем, чтобы и она питалась правильно, но пару раз в неделю Варвара Сергеевна совершала вылазки в хорошие городские кофейни и в одиночестве наслаждалась каким-нибудь вредным и вкусным десертом.

– Бутылку воды. Небольшую и не холодную.

Есть категорически не хотелось.

Как только официантка отошла, Варвара Сергеевна принялась во все глаза разглядывать чудо-мальчонку.

– Так... Мама что сказала? Долго нам здесь сидеть?

– Здесь? Не зна-а-ю... Но мама сказала, если ты меня не заберешь, меня заберут полицейские или волонтеры и отдадут в детдом! – уверенно, словно отвечая у доски хорошо выученный урок, говорил мальчик. – Мама долго жила в детдоме, сказала, что там ад. Там... – Жора задумался, явно вспоминая нужные слова, – там кормят тухлятиной, бьют и все время кричат. А если заболеешь, можно и коней двинуть, потому что на тебя всем пофиг.

– Не говори глупости! – повысила голос Самоварова.

Нервы были на пределе – да и тема, которую так легко затронул этот чертенок, была для нее болезненной.

– А еще мама сказала, ты можешь исправить несправедливость, – все тем же важным тоном продолжал издеваться он. – Вы обе накосячили, сначала ты, потом она. У вас всегда были сложные отношения.

Самоварова не знала, что больше ее изумляло – неслыханная наглость Регины (было ясно, что она, в очередной раз что-то задумав своей больной башкой, скинула ей ребенка вовсе не на полчаса!) или то, что этот пятилетний мальчишка рассуждал, да и вел себя как восьми-девятилетний школьник.

– Ну... и как же ты меня узнал? – после паузы тяжело выдохнула Варвара Сергеевна.

– Твое фото висит у нас в комнате на стене. Оно всегда там висело. Ты красивая, только теперь стала старая. – Жора беспардонно вглядывался в Варварино лицо, затем перевел взгляд на ее нервно крутившую салфетку руку.

Самоварова машинально убрала руку со стола.

– Что... так плохо выгляжу?

– Я же тебя никогда раньше не видел, – искрил на нее своими угольными глазенками Жора. – Но ты сидела здесь, а мама так и сказала, что ты будешь сидеть за этим столиком, и я тебя сразу узнал. А на фото, мама сказала, тебе нет еще и тридцати. Хотя тридцать, – задумался мальчик, – это тоже почти старость.

– Да прекрати ты болтать глупости! Тебя мама почти в сорок родила. Что, мама твоя разве старая? – не зная, как вести этот дурацкий диалог, зачем-то спросила Самоварова.

– Не... мама крутая! – с гордостью выпалил он.

– Раз она такая крутая, зачем она тебя здесь бросила?

– Она меня не бросила, а отвела к тебе. На время. Слушай, а ты правда ментовка? – жадно пялились на нее круглые глазенки.

– Не ментовка, а бывший следователь. А мама твоя, похоже, воспитывая тебя, выражений не выбирает.

Мальчик насупился:

– Неправда... Мама занимается моим всесторонним развитием. Мы с ней ходим в оперу и на балет. А еще читаем Пушкина.

– М-да?.. И как часто?

Подоспевшая официантка неопытной рукой выставляла с подноса на стол кофе, воду и лимонад. Большой стакан с лимонадом задел салфетницу, качнулся и из него немного пролилось на стол.

– ...Пирожные через пару-тройку минут будут, – подтирая стол салфеткой, бормотала девушка. – Заказов много.

Девушка отошла, а мальчик продолжал сердито молчать.

– И что еще она тебе говорила? – смягчила голос Варвара Сергеевна. Все же перед ней сидел ребенок, и... чем черт не шутит, возможно, из исчадия ада получилась неплохая мать.

– То и говорила, что у тебя характер поганый! – зло выпалил он. – Потому что ты долго работала ментовкой.

– Уф... давай договоримся. Если ты действительно рассчитываешь провести какое-то время со мной, что бы ни говорила тебе обо мне твоя мама, будь добр, разговаривай со мной и говори обо мне уважительно. Понимаешь, что такое уважительно? Ты в детский сад ходишь? Как ты там разговариваешь с воспитательницей?

– Нет, – помотал головой Жора. – Детский сад – это детдом, только в лайтовом варианте.

– Что... мама так сказала?

Он кивнул и, засунув в рот трубочку, принялся жадно пить из стакана.

– И что же ты делаешь целыми днями?

– Гуляю, читаю и рисую с мамой, – выдув разом почти половину мятного лимонада, нехотя оторвался от стакана Жора. – А если ей надо на работу, иду с ней и жду ее в коридоре.

– И где же мама работает? – осторожно спросила Самоварова.

Шесть лет назад Регина занималась тем, что безбожно морочила оказавшимся в затруднительном положении людям голову и брала за это баснословные деньги.

– Мама лечит людей! – с достоинством заявил мальчишка.

«Понятно... Все никак, шельма, не угомонится...»

– А где она их лечит? В какой-то клинике?

Жора поглядел на нее, как показалось Самоваровой, свысока:

– Мама – редкий доктор. Мы приходим к ним домой. Потому что мамины клиенты очень важные люди и по клиникам не ходят.

«Неужели она что-то у кого-то сперла?! Или кинула на деньги?! С нее станется...»

– Так! – Варвара Сергеевна решительно схватилась за чашку. – Мама сказала, когда вернется?

Отхлебнув из чашки, вместо вожеленного вкуса любимого напитка Варвара Сергеевна почувствовала во рту только горечь робусты.

Кофе был почти холодный.

Подоспевшая официантка принялась выставлять на стол десерты.

– Девушка, кофе холодный.

Жора, нетерпеливо придвинув к себе стаканчик с шоколадным муссом, тут же запустил в него ложку.

– Извините. Но я принесла сразу, от бара.

Дождавшись, когда девушка отойдет, Варвара Сергеевна повторила вопрос.

– Ты должна меня забрать! – успев измазать рот шоколадом, сказал мальчонка. – Мама сказала, у тебя враги не найдут.

Самоварова ощущала себя, как в дурном кино.

Еще не триллер, уже не комедия...

– А враги... они кто?

Жора, ловко орудуя ложкой, вновь поглядел на нее снисходительно.

– Они маму хотят обидеть, – тихо сказал он. – Если ты меня не забереешь, обидят и меня. Еще она просила передать тебе, что закон не нарушала. Ее хотят обидеть те, кто нарушает закон.

В пылавшей голове лихорадочно носились варианты, самым разумным из которых было пойти в полицию и сдать ребенка, к которому ни по закону, ни по совести она не имела ни малейшего отношения и о существовании которого она до сегодняшнего дня если и подозревала, то, ей-богу, не думала!

Жора, время от времени настороженно косясь на Самоварову, уже взялся за второй десерт.

– Мама сказала, ты должна помнить: я ни в чем не виноват. И я не хочу в детдом! – Последнюю фразу он произнес кричащим шепотом.

Когда мальчик отодвинул от себя тарелку с недоеденным ванильным эклером, Варвара Сергеевна с облегчением попросила счет.

Рассчитавшись, она встала и подхватила с пола кожаный рюкзачок. Он оказался довольно тяжелым.

– Держи рюкзак и пошли! – не глядя на мальчика, скомандовала она.

Как только вышли на улицу, Жора с силой дернул ее за рукав.

Мимо сновали люди в масках и без, с проезжей части доносились радостные гудки автомобилей.

Древний город пах уже прогретой землей, отголосками чьих-то тел и духов, юной листвой и свежей выпечкой из соседней пекарни.

Едва удерживая на плече рюкзачок, пятилетний мальчик при свете и шуме дня выглядел растерянно и жалко.

– Давай поговорим, как взрослые, – глядя в асфальт, сопел он. – Если ты хочешь сдать меня в детдом, не ври, лучше скажи сейчас.

– А если хочу? – сглотнула Самоварова.

До ближайшего отделения полиции было не более пяти минут ходьбы.

– Тогда я убегу. Мама сказала, если детдом, то лучше в петлю! – Он вряд ли понимал значение этого выражения, но знал, что это что-то очень, очень плохое. – И это будет на твоей совести. Так что лучше сразу скажи правду.

– Хочешь правду? – Она осторожно прикоснулась к тонкой ручонке в полосатой рубашке. – Хорошо... Давай поговорим, как взрослые. Как только я отойду вместе с тобой от этого кафе, в котором остались свидетели твоего внезапного появления в моей жизни, меня могут схватить и посадить в тюрьму за похищение ребенка. То есть – тебя.

Она хотела было добавить, что его мать – мастер мерзких каверз, но осеклась: в конце концов, ребенок не мог знать истинных намерений своей чертовки-матери.

– Вот! – Мальчик скинул с плеча рюкзачок, поставил его на асфальт, нагнулся, с трудом расстегнул тугую молнию и достал из него синюю папку. – Я забыл... Мама сказала отдать тебе это.

Самоварова неуверенно взяла в руки папку и кивнула на торец здания.

– Отойдем с дороги.

Он послушно поплелся следом.

Первой бумагой, лежавшей в папке, оказался засунутый в прозрачный файл оригинал свидетельства о рождении Карпенко Жаруа Даниловича.

«Боги мои! Все, что несет в себе эта женщина, какой-то тяжкий бред! – клокотало внутри у Варвары Сергеевны. – Даже имя ребенку не могла дать нормальное!»

Вторым документом, также вставленным в прозрачный файл, была нотариально заверенная доверенность.

Самоварова, нахмурилась, вытащила из сумочки очки.

Гербовая, со знаками и печатью бумага была настоящей.

В доверенности, составленной по всем правилам и подписанной нотариусом Поротниковой А. Ю., было указано, что Карпенко Марина Николаевна доверяет своего несовершеннолетнего сына Самоваровой Варваре Сергеевне. Ответственность за жизнь и здоровье ребенка, согласно формальной формулировке, Карпенко брала на себя. Доверенность имела срок действия: три месяца – срок грядущих летних каникул.

По закону для выдачи и заверения подобного документа нотариусу был необходим оригинал паспорта Самоваровой, а не только, как успела разглядеть Варвара Сергеевна, его данные.

Но Регина всегда исхитрялась обходить закон.

* * *

В полном молчании, сквозь беспечный, многоголосый, не ведающий проблем убегающий май, они прошли уже большую часть пути до дома Варвары Сергеевны.

– Если хочешь, можем вести дорогой светскую беседу, – едва поспевая за Самоваровой, предложил Жора.

– Обойдемся! – буркнула она.

План у нее был такой: попасть в квартиру, найти в инете контакт и дозвониться до нотариуса, заверившего доверенность.

Скорее всего, доверенность окажется липой, и тогда, само собой, ей следует вызвать полицию и объяснить сотрудникам правоохранительных органов, что произошло в кафе.

– Мама сказала, ты не по-настоящему злая, просто очень вредная, – ворчал, семена ножками Жора. – Но ты же меня не сдашь в детдом?

– Сдам!

Он резко остановился. В его черных глазенках горели обида и ненависть.

– Тогда прощай! – Он в мгновение ока развернулся и, похоже, действительно собрался бежать.

Варвара Сергеевна с силой прихватила его за рюкзак.

– Прекрати немедленно!

– Нет, ты злая! У тебя поганый характер, – упираясь, сопел Жора.

– Замолчи! Мы сейчас идем ко мне домой, там я кое-что уточню и...

Самоварова совершенно не представляла, что должно быть после этого «и».

А если доверенность – не липа?

У этого мальчишки действительно во всем свете никого больше не было.

Как же эта тварь ловко все рассчитала! Какой безбожный, выверенный в каждом шаге шантаж!

Варвара Сергеевна вдруг поняла, что ей далеко не безразлично, если он, еще совсем маленький, ершистый, в силу возраста не умеющий плести кружева вранья, попадет сейчас под машину или в своей дурацкой винной жилетке окажется в приемнике-распределителе...

Захлопав носом, Жора скинул с плеча рюкзак и достал из кармашка брюк бумажный платок. Высморкавшись, начал сверлить ее полными слез глазами.

– Давай обойдемся без представлений! – охваченная противоречивыми чувствами, неуверенно протянула ему руку Самоварова. – Ты верно подметил, я уже старая, так что быстро бегать за тобой по улицам не смогу.

Жора вытер платочком мокрую от слез и соплей ладошку и осторожно вложил ее в руку Самоваровой.

В полном молчании они дошли до дома.

Во дворе был припаркован мотик Самоваровой.

Свернув с дорожки, ведущей напрямик к подъезду, Варвара Сергеевна по привычке направилась к своему железному коню.

– Это чей? – Мальчик рассматривал мотик, и на его заплаканном личике проступило радостное любопытство. – Твой?

– Мой, – сдержанно улыбнулась Варвара Сергеевна.

Жора пихнул ей в руку рюкзак, обошел мотик вокруг, остановился и осторожно погладил руль, напоминая Самоваровой крылья большой сильной птицы. – А можно на нем посидеть?

– Не сейчас.

– Это дом, где вы жили с мамой? – когда они подошли к подъезду, все с тем же радостным любопытством спросил Жора.

– Нет, – процедила Варвара Сергеевна, понимая, что Регина, какой бы чокнутой ни была, не могла рассказать своему ребенку, что произошло с ней в другом доме неподалеку, в квартире, такой же, в какой сейчас осталась жить Анька с семьей, только этажом выше, почти сорок лет назад².

Когда зашли в квартиру и разулись, Жора первым делом поинтересовался, где находится ванная, и ушел мыть руки.

Выйдя, он без стеснения принялся обследовать жилище.

– Сколько у тебя книг! – остановился он у книжных стеллажей в бывшей комнате Лешки, сына Валеры.

Недолго думая, достал с нижней полки книгу – в красно-белом ярком переплете:

– Возьму почитать?

– Это книги моего мужа. Здесь в основном работы по психиатрии. – Варвара Сергеевна вытащила из рук мальчика книгу Фрейда «Я и оно». – Тебе еще не по возрасту этим интересоваться.

– Фрейд считал, что все проблемы людей связаны с сексом, да? – в очередной раз огоршил он ее взрослым вопросом.

– Мама так сказала?

– Нет, я сам прочитал в инете, когда... когда туда залез.

– Она разрешает тебе лазить в интернет?

– Нет! И это глупо. Весь мир там давно живет. Интернет – это и есть мир. – Жора неохотно поставил книгу обратно на полку. – Если мама зазевается дома или ведет прием, я захожу в инет и что-нибудь там гуглю.

Внучка Анжелина, как и большинство современных детей, была тоже не по годам развита, но чтобы в неполных пять лет выдавать такое!

Уникальный ребенок вызывал у Варвары Сергеевны одновременно жгучее любопытство и тревогу.

Ладно... для начала надо бы разобраться с доверенностью.

– Я принесу тебе книгу, – вспомнив, что в спальне на прикроватном столике остался лежать сборник рассказов Чехова, спешно предложила Варвара Сергеевна. – Ты посидишь пока здесь, можешь почитать. А мне надо кое-что сделать.

– Ты что, уйдешь? – Мальчик засопел, совсем как недавно на улице, и его скуластое личико исказило волнение.

– Нет. Я буду в соседней комнате. У меня конфиденциальный разговор.

– Это какой?

² Подробно история Регины рассказана в романе Полины Елизаровой «Паучиха».

– Личный разговор, не для посторонних ушей.

– А дверь? – кивнул в сторону двери Жора. – Она будет открыта?

– Ну... Пусть будет открыта... А вообще, тебя здесь никто насильно не держит! – про- бурчала Варвара Сергеевна и направилась в спальню за книгой.

Постель в их с доктором комнате так и осталась неубранной.

Повинуясь странному чувству пусть легкого, но все же стыда перед маленьким незванным гостем, Варвара Сергеевна первым делом принялась ее заправлять. Прикрыв одеяло и ворох подушек пледом, взяла с тумбочки обещанную мальчику книгу.

Жора стоял в дверях.

– Ты что за мной ходишь, как хвост? – злилась Самоварова.

Она подошла к ребенку и сунула ему книгу:

– Посиди в той комнате, почитай.

Мальчик глядел словно сквозь нее. На его лице застыло молящее выражение.

– А эту дверь ты закроешь?

Хорошим воспитателем Самоварова, несмотря на наличие в ее жизни дочери и теперь уже маленькой внучки, увы, так и не стала, зато была, в силу своей профессии, хорошим пси- хологом.

Она понимала, что брошенный матерью на незнакомую тетку странный ребенок паниче- ски боится, что и эта, как ему внушила мать, «бабушка» тоже его бросит.

Сложно было представить, что он, пусть парадоксально и не по годам развитый, просто умело разыгрывал перед ней свою партию в какой-то поганой Регининой игре.

– Не закрою. Вернись в ту комнату. Мне надо позвонить. Это по работе.

Мальчик, с недоверием покосившись на нее, зажал под мышкой книгу и, понури- в голову, двинулся по коридору.

Как только он скрылся в проеме соседней комнаты, Самоварова бросилась к ноутбуку и зашла в инет.

Нотариус Поротникова А. Ю. действительно существовала.

Контора, в которой она работала, судя по адресу, располагалась в одном из бизнес-цен- тров.

Варвара Сергеевна взяла мобильный и, покосившись на распахнутую дверь, отошла к окну.

Ответом на ее звонок были длинные противные гудки.

На часах была половина третьего, возможно, служащие конторы, включая секретаря, ушли на обед.

Оставив мобильный на подоконнике, она прошла на кухню и открыла холодильник. В пластиковом контейнере лежал небольшой кусочек телятины, который никогда не обедавшая «по-человечески» Самоварова планировала потушить на ужин с овощами.

Несколько кусочков сыра в нарезке, два ломтика вареной колбасы, яйца и сливочное масло...

Живя с доктором, она приучила себя не покупать продукты впрок – Валера считал, что полезнее есть свежее.

Жора, скрестив ноги по-турецки, сидел на диванчике и читал или делал вид, что читает.

– Ты уже освободилась? – с упрямством в голосе спросил он.

– Отбивную из телятины на обед будешь?

– С пюре?

– Ладно, с пюре...

– Можно я посижу на кухне, пока ты готовишь?

– Я здесь живу и не собираюсь никуда бежать, – вздохнула Варвара Сергеевна. – Лучше посиди здесь! – строго сказала она, все еще рассчитывая дозвониться до нотариуса.

– Я тебе помогу! – хлопнув книжку, Жора, как маленькое ловкое животное, вскочил с дивана и, не дав Самоваровой опомниться, подошел к ней вплотную. – Я часто помогаю маме. И даже умею чистить и резать яблоки для шарлотки, – убеждал он.

«Черт бы их побрал обоих!»

С яблочной шарлоткой и матерью мальчика Самоварову связывало одно особое – не для нее, а, как выяснилось почти шесть лет назад, для Регины – воспоминание.

– Ладно, – выдавила из себя Варвара Сергеевна. – Бери книгу, считаешь на кухне. Помогать мне не надо.

Когда Жора вышел в туалет, а на сковородке золотились и шипели отбивные, Самоваровой наконец удалось дозвониться до конторы.

Из скорого и скомканного разговора с коллегой Поротниковой она выяснила, что нотариус – ну кто бы сомневался, все один к одному! – третьего дня ушла в отпуск и уехала к беременной дочери в Грузию.

Само собой, обсуждать с ней выданную коллегой доверенность никто не стал.

Глядя на мальчика, который, хоть и с некоторой скованностью в движениях, но уже безо всякого страха на лице, вернувшись на кухню, примостился на табуретке, Варвара Сергеевна удрученно понимала – ей надо было принять одно из двух непростых решений: либо до прихода доктора вызвать полицию и службу опеки и сдать мальчика властям, либо, смирившись с очередным вторжением Регины в ее жизнь и принимая в расчет доверенность, оставить ребенка у себя.

Поставив перед мальчиком тарелку с отбивной и комковатым, приготовленным наспех картофельным пюре, она достала из сумочки портсигар с папиросами.

– Приятного аппетита! – наблюдая, как Жора приученными пальчиками схватил нож в правую руку, а вилку в левую, сказала она. – Ешь, я скоро приду.

– А ты куда?

– Покурить на балкон, – не стала юлить Самоварова.

– Курить вредно, – с укором поглядел на нее мальчишка.

– Тебя забыла спросить!

Выпустив в не ведающий забот танцующий май изрядную порцию дыма, она дозвонилась до доктора.

– Валер... у меня сложилась непростая ситуация, – несмотря на полный эмоциональный раздрай, Варвара Сергеевна, зная, что доктор очень занят на работе, старалась быть предельно краткой. – У нас в доме гость. Ребенок. Ты вроде в магазин сегодня планировал зайти. В фермерский, рядом с работой, – скороговоркой выпалила она.

– Как интересно... Что за ребенок? – удивился Валерий Павлович.

– Придешь – расскажу.

– А магазин здесь при чем?

– Надо купить продукты. Я хотела сама зайти, но... сейчас выходить не с руки.

– Ладно... – протянул озадаченный доктор. – Кинь сообщение, что купить.

Нажав отбой, она уже понимала, что ни в какие органы звонить не будет.

Мерзавка рассчитала верно – совесть не позволяла Варваре Сергеевне хладнокровно и законно избавиться от ребенка.

И обе, только они обе, знали причину, мешавшую Самоваровой принять единственно верное решение.

Можно было посоветоваться с доктором, но для того, чтобы он помог в непростой ситуации хотя бы советом, пришлось бы открыть ему всю правду о Регине.

А Самоваровой этого хотелось меньше всего на свете.

* * *

Не прочитав и две страницы одного из самых ее любимых рассказов Чехова – «Крыжовник», Жора назвал его «отстойным».

Выхватив из его рук книгу, Самоварова спорить не стала – невзирая на сильно опережающее физику умственное развитие мальчика, великий писатель был ему явно не по возрасту.

Скучный мультик, идущий по одному из центральных каналов, Жора наотрез отказался смотреть, зато проявил некоторый интерес к относительно недавней экранизации «Идиота» Достоевского.

– Хотел бы жить в то время? – уже понимая, что с маленьким гостем можно и нужно говорить не так, как с его ровесницей Линой, спросила Самоварова.

Прежде чем ответить, он, хмуря черные бровки, задумался.

– Да... Я бы хотел такую няню, как Арина Родионовна.

– Она была няней Пушкина. А роман, по которому снят фильм, написал Достоевский и...

– Знаю! – перебил ее мальчик. – Это же было написано на экране! Но мама мне рассказывала про няню Пушкина, а до Достоевского мы еще не дошли.

– Достоевского, – не сдержала улыбки Варвара Сергеевна. – И зачем тебе такая няня?

– Она могла бы сидеть со мной и рассказывать сказки, когда мама занята. А мама сказок не знает.

– Ну... она же сказки тебе читает? И научила читать тебя.

– Да, – вновь задумался Жора, – но лучше, когда кто-то знает сказки сам.

– В чем разница? – скорее для поддержания разговора спросила Самоварова.

Как бы много Регина ни вкладывала в развитие ребенка, придумывать сказки, она, конечно, не могла – суровая проза жизни, в которой она росла, начисто исключала интерес к чудесному.

– Человек, который сам знает сказки, имеет не только этот, – Жора обвел ручонкой комнату, – но и параллельный, чем-то похожий на виртуальный, мир. Значит, живет за двоих, – уверенно подытожил свою мысль Жора.

– Интересно, – помедлив, сказала Варвара Сергеевна. – Никогда об этом не думала.

– Тебе некогда было думать, – ответил мальчик. – Ты же бандитов ловила и в тюрьму сажала.

– Это... мама так про меня говорила? – нахмурившись, спросила Самоварова.

– Ага, мама.

* * *

Доктор пришел домой неожиданно рано и принес две сумки продуктов по тому хаотичному списку, который Варвара Сергеевна отправила ему в сообщении.

Пребывая в непреходящей суетливой растерянности, она зачем-то заказала купить девять йогуртов с разными наполнителями, два вида колбасы, булочки и куриное филе. Из всего этого списка мальчик, как выяснилось, ел только куриное филе, а йогурты с химическими наполнителями «мама сказала, есть нельзя».

Жора встретил доктора настроенно, был немногословен, только назвал свое имя, едва разжав рот.

На все резонные вопросы доктора, заданные в редких коротких паузах, когда рядом не было мальчика, Самоварова отмахивалась и отвечала: «Потом».

Когда сели ужинать, Валерию Павловичу удалось разговорить мальчишку.

Несмотря на то что беседовали на общие темы, Варвара Сергеевна наблюдала, как лицо доктора, наспех прикрытое фирменной, слегка снисходительной улыбкой, то и дело пронзало изумление.

Так, вероятно, глядели придуманные коллеги профессора Преображенского на придуманного же Шарикова. Так и виделось, что Валера сейчас достанет из кармана пенсне и, придерживая его подрагивающим от волнения и небывалого любопытства пальцем, спросит у своего необычного собеседника: «Так-с... молодой человек... а что вы думаете об этом?»

Когда Жора вышел в туалет, Варвара Сергеевна без обиняков попросила мужа провести мальчику психологическое тестирование.

Ей хотелось быть уверенной в том, что, в отличие от матери, он социально не опасен.

– Варя, я не детский психолог! Я лечу взрослых, клинически нездоровых людей. И кто это, черт побери, такой? Может быть, ты для начала объяснишь, чье это чудо и откуда оно взялось?

Самоварова решила сказать правду – но только ту, что лежала на поверхности.

– Помнишь, почти шесть лет назад, в год пожара в нашей квартире мы справляли Новый год у меня? С Анькой и Олегом? Они еще тогда объявили, что поженятся и что Анька беременна, – быстро шептала она, понимая, сколь глупо выглядит ее поведение в глазах доктора, который, судя по его почти немигающему взгляду, уже не понимал ровным счетом ничего.

– Да... И что?

– Помнишь, к нам ненадолго заглянула моя бывшая сослуживица, Регина?

– Варя, а почему ты шепчешь? – нарочито громко спросил доктор. – Мы у себя дома.

– Так надо, – напрасно силясь что-то изобразить лицом, вцепилась она в рукав его рубашки. – Не хочу, чтобы он слышал... Я позже объясню.

– И... что с этой Региной? Это ее ребенок? – понизив голос, спросил доктор.

– Да! – выдохнула Самоварова. – Она попала в сложное положение и попросила меня приглядеть за ним.

Валера буравил ее напряженным, выразившим крайнюю степень недоумения взглядом.

– Она сирота! И друзей у нее нет! – быстрым шепотом сыпала слова Самоварова. – Ей больше не к кому обратиться!

За стенкой, разделявшей кухню с туалетом, послышался шум сливавшейся из бачка воды.

– А где она была все эти годы? Почему я больше никогда ее не видел и даже о ней не слышал? – снова громко, будто издеваясь, задавал доктор вполне резонные вопросы.

– Так вышло. Поговорим, когда он уснет. А пока, прошу, протестируй его в какой-нибудь игровой форме! – умоляющим голосом произнесла Варвара Сергеевна как раз за пару секунд до того, как дверь туалета открылась.

– Так! – решительно сказал Валера, когда Жора, все еще робея под его взглядом, вошел обратно на кухню. – А как твоя мама относится к тому, что ты сейчас здесь?

Жора приподнял плечики, сжался и быстро уселся на свою табуретку, стоявшую подле табуретки Самоваровой.

– Варвара Сергеевна, моя жена, сказала, что ты собираешься у нас переночевать... Есть ли возможность переговорить с твоей мамой и внести ясность в это щекотливое положение?

Самоварова, конечно, понимала: сказанное имело отношение не столько к мальчику, сколько к ней самой.

– Мама сказала, она сама Аре позвонит, – не глядя на доктора, кивнул он головой в сторону Варвары Сергеевны, – и... я сейчас...

Он быстро соскочил с табуретки и унесся в коридор.

Прошло меньше минуты, как он снова вбежал на кухню, с трудом удерживая в руке рюкзака.

Усевшись прямо посреди кухни на пол, Жора обнял рюкзачок своими маленькими плотными ножками. Молния под торопливыми ручонками сначала поползла, но, зацепившись за ткань, на полпути остановилась.

Варвара Сергеевна видела, что мальчик вот-вот готов расплакаться.

– Давай я тебе помогу! – Она присела на корточки рядом.

Аккуратно, едва касаясь, подвигала молнией вперед-назад.

Наконец молния поддалась.

Жора принялся вытаскивать из рюкзака содержимое.

Вскоре на полу выросла небольшая неровная кучка трусов и носков, шортиков и спортивных штанишек, ярких футболок, скатанной в рулон ветровки, маленькой детской расчески и зубной щетки в футляре с динозавриком.

На самом дне оказался тугой, перетянутой резинкой сверток.

– Вот! – глядя на одну только Варвару Сергеевну, Жора протянул ей сверток. – Мама велела, когда будем у тебя в квартире, отдать тебе.

Самоварова, под напряженным взглядом Валеры, нерешительно приняла сверток из рук мальчика.

В обычном, успевшем замяться офисном белом конверте лежала пачка пятидесяти тысяч купюр – навскидку не менее двухсот тысяч.

Еще в конверте был сложенный вчетверо лист бумаги.

Понимая, что, если доктор сейчас увидит очередное послание Регины, вопросов у него возникнет больше, чем она способна дать ответов, Варвара Сергеевна, приклеив к лицу невозмутимое выражение, быстро сунула записку в карман.

– Пообщайтесь пока без меня. Кстати, можете накрыть к чаю.

Покосившись на оставленную на столе денежную пачку, Варвара Сергеевна ретировалась в коридор.

Послание Регины оказалось составленной по всем правилам распиской от руки. В ней было сказано, что она добровольно и безвозмездно передает Самоваровой В. С. сумму в двести пятьдесят тысяч рублей.

В самом низу мелкими буквами была приписка – «Аря, это вам с Жорой на расходы».

Похоже, шарлатанка в самом деле подкинула ребенка с самой простой целью – той, что и озвучена в первой записке, и за этим не крылась никакая каверза.

Прежде чем вернуться на кухню, она разложила в маленькой комнатке диван и постелила мальчишке постель.

Руки у нее подрагивали – она понимала, что это точка невозврата.

После того как чужой мальчик проведет в этой квартире ночь, ее обращение в официальные органы приобретет совершенно другую тональность – в этом случае вопросов у представителей власти возникнет больше, чем она способна будет дать ответов.

* * *

Варвара Сергеевна проснулась после полуночи от странного ощущения – ей показалось, что рядом с ней кто-то буравит глазами темноту.

Она щелкнула кнопкой ночника – вымотавшийся за день доктор, отвернувшись к стене, крепко спал. Дверь в спальню была открыта, и в дверном проеме, во мраке коридора, стоял Жора.

Стараясь не разбудить Валеру, она осторожно встала.

– Ты чего здесь? – подойдя к мальчику, зашептала строго.

– Я не могу спать один, – прошептал он в ответ и цепко схватил ее за локоть.

– И давно ты здесь стоишь? – Нащупав маленькую ладошку, Самоварова потащила его обратно в комнату, где он спал.

– Я не знаю... – похныкивал он. – Я очень старался, но не смог уснуть! Мне кажется, за книгами в шкафу кто-то сидит... А в трубах кто-то воет...

– Ложись! – подвела она его к дивану. – Закрой глаза и не придумывай глупости, они оскорбляют твой ум! – назидательно добавила она.

Жора, свернувшись калачиком, нехотя уложил голову на подушку.

В молочном свете луны, проникавшем сквозь щель в занавесках, этот бронзовый скуластый ребенок был похож уже не на маленького вампира, а на его наивную, беспечно рассчитывающую обхитрить злодея жертву.

– Полежи со мной, Аря, пожалуйста... – тихо канючил он и теребил пальчиками край ее пижамы.

– А дома ты как спал? Что, тоже было страшно?

– Нет. Я сплю в одной комнате с мамой.

– И сколько же у вас комнат в доме?

– В квартире, – уточнил Жора. – Одна...

Шесть лет назад Регина снимала безликий дом в поселке бизнес-класса.

Что ж... многое, вероятно, поменялось в жизни чертовки за годы ее материнства.

Самоварова, стараясь не прикасаться к чужому мальчику, неловко устроилась на краю узкого дивана. Как только она улеглась, Жора, облегченно выдохнув, повернулся лицом к стене.

– Ты закрыл глаза?

– Да! – слишком бодро для засыпающего отозвался он.

– Не ври, а то встану и уйду.

– Как ты можешь знать, что я вру? В темноте!

– Знать не могу, но умею чувствовать. Спи.

Разглядывая в лунном свете его крепенький, подбритый машинкой затылок, Самоварова вдруг только сейчас, в ночной передышке, осознала, что помешало ей сразу поступить «по уму и по закону».

Если бы не пара фраз, брошенных ею в сердцах несколько лет назад матери этого мальчика в стенах пустого и холодного загородного дома, его бы, возможно, не было на свете.

* * *

Не успела Самоварова допить на балконе первую вожеленную чашку кофе, за которой, под папироску, планировала обдумать дальнейшие планы на жизнь, как мобильный в кармане халата задергался звонком.

– В общем, ма... – радостно верещала Анька, – я тут вчера с Олегом посоветовалась, и мы решили на пару-тройку недель воспользоваться вашим предложением. Мы с Линой готовы поехать на дачу завтра. Надеюсь, ты хоть в первые дни побудешь с нами? Олег приедет в выходные. Да и ты могла бы остаться. Неужели это так сложно? Не смогу я там с ребенком без тебя. Нам обжиться надо. А после, если все ок, ты могла бы оттуда уезжать в город по своим делам.

– Доброе утро! – послышался за спиной звонкий и недовольный голосок. Жора в одних трусиках стоял в балконном проеме и тер ладонью глаза. – Опять куришь?

– Быстро иди умываться! – прикрыв ладонью мобильный, зашептала Самоварова.

– А ты?

– Что – я?

Мобильный, выскользнув из рук, шлепнулся на балконный половичок.

– А ты когда придешь?

– Скоро, – наклонившись и подхватив мобильный, тихо и раздраженно ответила Варвара Сергеевна.

– А что ты приготовишь на завтрак? Я могу тебе помочь, – и не думал уходить Жора.

– Ну-ка, – легким шлепком подстегнула она его, – найди в рюкзаке свою щетку и марш в ванную!

Поднося мобильный к уху, она молила о том, чтобы Анька не расслышала ее разговор с Жорой. Но она расслышала.

– Мам, ты с кем это? – встревоженно спросила дочь. – Мне показалось или с тобой рядом ребенок?

– Не показалось... – затушив сигарету в пепельнице, Самоварова схватила чашку.

Кофе был снова остывший.

«Хуже холодного кофе может быть только теплая водка!» – прислушиваясь к напряженной тишине на другом конце связи, некстати вспомнила она одну из любимых присказок полковника Никитина.

– И... что это за ребенок?

– Сын моей знакомой.

– А что он делает у тебя в девять утра? – в голосе Аньки сквозила ревность.

– Ань, я тебе перезвоню! – и Самоварова нажала отбой.

* * *

Пока Жора с кислой миной ковырялся в тарелке с недожаренным омлетом, Варвара Сергеевна придумала осуществление сомнительного по всем пунктам, но все же хоть какого-то плана.

На дачу к доктору надо ехать всем вместе.

Другое дело, что Жору туда Валерий Павлович не приглашал, да и Анька – это отнюдь не сдержанный и мудрый (до определенного предела) доктор, она душу из нее вынет, чтобы все выяснить про чернявого подкидыша.

В городе оставаться не имело смысла.

Во-первых – причина, по которой дала деру Регина, скорее всего, была поганой.

А это значит, что в любой момент те, кому она перешла дорогу, могут добраться до ее ребенка, которого накануне видели с Самоваровой в кафе как минимум несколько свидетелей, а вдобавок зафиксировали камеры наблюдения.

Дача доктора в старом поселке, формально записанная на его дряхлого, проживающего где-то под Курском дядьку, давала хоть какой-то шанс на то, что там мальчишку (если до этого дойдет!) искать не будут.

– Что мы будем сегодня делать? – Неторопливо и тщательно, с небрежной элегантностью аристократа Жора промокнул рот бумажной салфеткой. – Тебе на работу сегодня надо?

– Сегодня не надо, – сухо отозвалась Варвара Сергеевна.

– Тогда пойдем в музей. Мама любит Русский музей, а мне больше нравится Эрмитаж. Там много комнат, я не все еще видел.

– Не комнат, а залов, – машинально поправила она. – Но в музей мы не пойдем. Мама сказала, когда выйдет на связь?

– Нет, – нахмурив бровки, опустил глаза мальчик. – Она позвонит тебе, как только сможет.

– А у тебя разве нет своего мобильного?

– Есть, отстойный, кнопочный, чтобы я не лазил в инет. Но мама велела оставить его дома.

«Плохо дело», – еще раз констатировала про себя Самоварова.

– Ты хотел помочь? Мне надо поговорить, а ты пока здесь приберись. Сложи посуду в раковину, ополосни ее от остатков пищи, а потом разложи в машинку, она за дверкой слева от раковины.

– Опять конфетциальный разговор?

– Конфиденциальный. Да. Личный.

На холодильнике лежал неиспользованный, подаренный кем-то доктору на 23 февраля ежедневник с логотипом «Новейшие технологии» и приколотой к нему дешевой пластмассовой ручкой.

– Вот, – положила она ежедневник на стол, – если хочешь говорить со мной как взрослый, записывай сюда новые для тебя слова и их значение.

Вернувшись в комнату, она, старательно заставляя себя ни о чем не думать, достала из-под шкафа небольшой чемоданчик.

Пока спешно накидывала в него вещи, дважды позвонила Анька.

Не ответив дочери, Самоварова набрала доктора.

Он, вероятно, вел прием и, в свою очередь, не ответил.

Запахнув в чемодан ворох первой попавшейся летней одежды, так и не постиранные со вчерашнего дня джинсы и теплый свитер, она собрала большую дорожную косметичку – три крема: дневной, ночной и для век, гель для десен, тушь, пудра, огрызок черного карандаша и увлажняющий блеск для губ. Покрутив в руках золотой тюбик с красной помадой, зачем-то положила и его. Вдогонку к роскошной помаде в косметичку полетели духи. Оставалось забрать с полочки в ванной комнате тоник для лица и щетку с пастой.

Присев на кровать, она быстро набросала нарочито неконкретное сообщение:

«Валера, мы едем на дачу сегодня. Напиши, где лежат ключи».

Отправив, желала одного – чтобы муж как можно дольше не перезванивал.

Вернувшись на кухню, Самоварова обнаружила, что мальчишка неплохо справился с задачей.

Пока он ополаскивал тарелки, едва дотягиваясь до мойки, на полу успела образоваться небольшая лужица, зато тарелки, чашки и приборы были разложены в посудомойке аккуратно.

– Иди собери в рюкзак свои вещи, мы уезжаем. – Не удосужившись похвалить мальчишка, Самоварова принялась спешно заканчивать уборку на кухне.

Жора, на удивление, не задал ни одного вопроса.

Как только он вышел, она набрала дочери.

– Аня, я сегодня буду на даче. Жду вас с Линой в любое время.

– Как?! – воскликнула Анька. – Ты же еще с утра никуда не собиралась!

– Так получается.

– Что получается? Раз ты уже решила ехать, почему бы тебе сейчас не прийти, чтобы помочь мне собраться? У Олега завтра выходной, он нас и отвезет.

– Я еду не одна, – понимая, что больше тянуть не может, спокойно сказала Самоварова.

Внутри все клокотало.

– А с кем? С Палычем? Он взял отпуск?

– Нет. Я еду с ребенком моей знакомой.

Вот течет себе жизнь, течет, и все в ней, может, не совсем правильно, но понятно. Было бы желание – практически все что ближнему, что дальнему можно объяснить. И вдруг – бац! Случаются ситуации, когда объяснить простые вещи оказывается невыносимо сложным. И не всегда это объясняется неискренностью. Отсутствие ясности, считай – правды, зачастую исхо-

дит из сложных, тянущихся из прошлого мотивов – нежелания травмировать ближнего, загружать его ненужной негативной информацией.

– Мам, ты чего, с дуба рухнула?! – стирая все мыслимые границы дочернего уважения, накинулась на нее Анька. – Какой еще, к черту, знакомой?!

– Знакомой, – повторила эхом Самоварова, расхаживая по кухне и, едва справляясь с волнением, проверяя, выключила ли воду и газ. – Она попала в сложную ситуацию.

– Вот как... Так ты еще и волонтерить стала? Делать тебе нечего! Значит, на собственную внучку у тебя не хватает времени и терпения, а с чужим ребенком ты готова сломя голову мчаться на дачу, так?!

– Не совсем.

– Может, объяснишь, откуда у тебя в доме взялся ребенок?

– Я уже объяснила.

– Мам! Я за всю жизнь не знала ни одной твоей подруги, кроме Лары Калининой! Ты сама мне сто раз говорила, что друг – это награда и что он может быть один! А теперь ты мне что пытаешься внушить?! Что у тебя, оказывается, есть знакомые, которым ты, начав на собственную семью, такая, блин, вся из себя сердобольная, кидаешься помогать?

– Аня, – вернувшись в комнату, Самоварова вытащила из шкафа вчерашний сверток с деньгами и положила его в сумку, – я буду ждать тебя и Лину на даче. Возможно, дети подружатся, – зачем-то добавила она совсем уже лишнее и нажала отбой.

* * *

До дачи, хоть путь был неблизкий, Варвара Сергеевна решила ехать на такси, благо с деньгами в последние годы особых проблем не было.

Доктор, заведующий отделением коммерческой клиники, получал хорошую зарплату, а регулярные подработки в бюро Никитина позволяли ей разрешать себе разного рода баловство, которого она, экономя каждую копейку, была лишена большую часть жизни.

Самоварова всегда любила поезда, их мягкий ход успокаивал и мысли, и нервы, но оказавшись с Жорой на вокзале она опасалась – вдруг мальчишка опять взбрыкнет и задумает бежать?

Проведший с ней в одной постели ночь сын «исчадия ада» пока не вызывал в ней ни отрицательных, ни положительных эмоций, только любопытную настороженность, и тем не менее она явственно ощущала, что уже несет ответственность за его судьбу.

Дорогой до дачи преимущественно молчали.

Время от времени скуцавший и пьялившийся в окошко Жора пытался завязать с ней светскую беседу. Он не то чтобы канючил, но несколько раз пожаловался, что без маминога планшета ему не во что играть, однако Самоварова, напряженно обдумывавшая сложившуюся ситуацию, скупно реагировала на его слова.

Домик в старом, густо заросшем яблонями, елями, соснами, липами и кустами саду был небольшим, но уютным.

Несколько лет назад, до встречи с Варварой Сергеевной, одинокий и в то время еще имевший нормированный отпуск и выходные доктор с помощью мужиков из соседней деревеньки сделал здесь приличный ремонт и пристроил к домику крытую террасу.

Сюда, будучи холостяком, Валера часто сбегал от городской суеты в любое время года. Здесь, из лета в лето, воспитывала его сына Лешку ныне покойная мать доктора, сюда же доктор привез Самоварову практически сразу после знакомства, в их первое лето любви.

Убранство домика, хоть и скромное по нынешним меркам, включало все необходимое: общую, с давно никому не нужным телевизором комнату, две отдельных спальни, кухню с

водопроводом и горячей водой, небольшой санузел с узкой душевой кабиной и недорогой стиральной машиной.

Но самое ценное, то, ради чего Варвара Сергеевна всегда с удовольствием ездила на дачу, крылось в саду. Жасмин, яблони, в тени сосен и елей – краткосрочная, но щедрая россыпь ландышей. А самый обожаемый кустарник – мистическая сирень – с наступлением сезона цвела здесь везде: вдоль забора по границам с соседними участками, у калитки и у самых перил террасы.

Возможно, из-за какого-то особенного качества почвы или географического положения, как давно заметила Самоварова, в этом дачном поселке сирень цвела дольше, чем обычно.

Вот и сегодня, в первый день лета, когда сирень давно пожухла в городе, по участку все еще разносился ее крепкий, пьянящий аромат.

Замок входной двери, пригорюнившись за месяцы холода и сырости, неохотно и ворчливо поддался двум поворотам ключа.

Ни она, ни доктор, замотанные работой и делами, не приезжали сюда с конца осени.

– Это что, твой до-ом? – пройдя в маленькую, пахнущую запустением прихожую, разочарованно протянул Жора.

– Дача моего мужа.

– Валерия Павловича?

– Да.

– Знаешь, а он мужик себе на уме.

– Оставь свое оценочное суждение при себе! – на секунду обомлев, огрызнулась Самоварова. – Ты все жаждешь помочь, вот и будем наводить здесь порядок! – сказала она, неловко втаскивая в дверной проем чемодан, застрявший колесиками в почерневшем за зиму половике.

Первым делом Варвара Сергеевна, впуская в домик жизнь, раскрыла везде окна, с трудом вытащила на улицу матрасы, развесила на перилах террасы, на солнышке, чистое, залежавшееся на полках постельное белье.

Отыскав в чуланчике пачку флисовых тряпок, принялась вытирать пыль с разбуженных светом столов, стульев и комодов, которые под ее руками то ли содрогались от радости, то ли выражали недовольство от внезапного вторжения в их сонное царство.

Жоре она велела ополоснуть и протереть посуду.

По шуму и звону, то и дело доносившемуся с кухни, Варвара Сергеевна с невеселым удовлетворением отмечала, что уже успевший испортить ей жизнь мальчишка старательно выполняет ее задание.

Обедали пиццей, заказанной через «Яндекс»-приложение, а запивали крепким и сладким черным чаем, заваренным с наскоро сорванными в саду листиками Melissa и мяты.

Жора, словно чувствуя не отпускавшее ее напряжение, во время еды молчал и задавал лишь самые необходимые вопросы.

Когда наконец позвонил доктор, она, не глядя на мальчика, взяла папиросы и выскочила с чашкой чая на террасу.

– Варь, так нельзя! – басил в трубку Валера. – У Ани, похоже, истерика. Ты ничего ей толком не объяснила, впрочем, как и мне. Но я-то переживу... и дождусь от тебя какого-то внятного рассказа про ребенка и деньги в конверте. А вот дочь твоя...

– Что еще я должна ей объяснить?! – устав себя сдерживать, воскликнула Самоварова. – Мне давно седьмой десяток! Я что, должна оправдываться перед ней за свои решения? Да, мне пришлось взять на какое-то время опеку над этим мальчиком. Если ты против, что он находится на твоей даче, я готова вместе с ним уехать отсюда сию же секунду.

– И куда же ты с ним поедешь? – вздохнул доктор.

– Да хоть в санаторий!

– В санаторий в наше время так просто не попасть. Пусть даже денег его мамы хватит с лихвой на ваше проживание, прежде нужно сдать тесты и пройти обследование, чтобы вас туда пустили.

– Ничего. Сдадим экспресс-тесты и купим левые карты.

– Варь, прекрати городить чушь! Живите на даче. Скорее всего я приеду послезавтра. Сегодня до вечера приемы, завтра в восемь утра – совещание и еще куча дел. А с Аней поговори. Она считает, что у тебя... – замялся Валера, явно пытаясь подобрать подходящий эвфемизм.

– Что у меня крыша поехала? Обострение шизофрении?

– Ну, не совсем так... но поставь себя на ее место.

– Поставила. И что?! Я отзвонилась и предложила ей приехать с Линой на дачу сразу, как соберутся. Да, так сложилось, что со мной чужой ребенок. В чем трагедия-то? В том, что не весь мир вокруг Ани вертится?

– Господи, – тихо взвыл доктор, – как же вы мне обе надоели!

– Вот и не лез бы!

– Я бы и не лез, коли бы вы сами в вашу заваруху меня не приглашали.

– Не хочешь – не отвечай на ее звонки. Я с ней поговорю и все улажу.

– Уда-а-чи! – с сарказмом в голосе протянул доктор. – Помнишь, как включать электричество?

– Спасибо за заботу. Уже включила.

– Кстати про мальчика. Никаких домашних тестирований, как уже сказал тебе вчера, я проводить с ним не буду. Но мне как врачу было бы интересно вместе с коллегами, специализирующимися на детской психологии, изучить его феномен. Разумеется, нужно официальное согласие его матери.

– И каким же образом вы планируете его изучить?

– Ему надо приехать с матерью в институт. С ним поговорят детские психологи, возможно, захотят сделать МРТ головного мозга. Случай действительно любопытный. Мальчишка не только говорит, но и мыслит, опережая физическое развитие лет на пять.

– Это исключено! – нетерпеливо выслушав доктора, отрезала Самоварова.

– А что ты так сразу? – не сдавался Валера. – Не хочешь помочь науке? Поговори для начала с его матерью.

Не зная, что на это ответить, она долго молчала.

– Хорошо. Сегодня же у нее спрошу. Уверена, она будет против.

При разборе чемодана обнаружилось, что впопыхах она забыла зарядник для мобильного, зато положила ноут вместе с воткнутой в него зарядкой, что радовало, но не спасало ситуацию – интернет был здесь слабенький, а чертова Регина не знала адрес ее скайпа.

На «Яндексе» Самоварова отыскала необходимый аксессуар и машинально накидала в корзину продуктов на ближайшие два дня: десяток яиц, растительное и сливочное масло, сыр, колбасу и хлеб.

При оформлении заказа выяснилось, что служба доставки готова привезти его не ранее чем завтра после обеда.

Вспомнив, что в конце дачного поселка прошлым летом открыли магазин, в котором дачники и жители окрестных деревень могли купить все необходимое, от прокладок до водки, она понадеялась, что китайские зарядки для айфонов есть и там.

Телефон был заряжен наполовину, без выхода в интернет и долгих разговоров можно было протянуть до завтрашнего обеда, но жизнь приучила Варвару Сергеевну никогда не откладывать проблемы на потом, вот только на Аньку, тем более в сложившейся ситуации, эта

полезная привычка не распространялась – звонить и выслушивать очередную истерику дочери не было сил.

– Собирайся, пойдем прогуляемся, – вернувшись в дом, кинула Самоварова успевшему проникнуть в чулан и что-то в нем отыскать Жоре.

– А это что? Это вкусно? – в его руках была небольшая банка с солеными огурцами.

В конце прошлого лета Самоварова от скуки решила засолить огурчиков для доктора, по праздникам любившего пропустить рюмочку-другую. Сделала банки три, а уезжая с дачи, про них забыла.

– Это закусь, – проворчала Варвара Сергеевна.

Огурцы, насколько она помнила, получились слишком соленые, да еще и какие-то «ватные». Из вежливости съев парочку, доктор больше не проявлял к ним интереса.

– Объясни, что такое закусь. – Жора, держа в руках банку и рассматривая на ходу ее стенки с густо налипшими на них лавровыми листиками и укропом, с серьезным видом направился к новому ежедневнику, который перед обедом достал из рюкзака и положил на кухонный стол.

– Не записывай. Это лишнее, – усмехнулась Варвара Сергеевна.

Когда-то мать этого мальчика, помимо всего прочего, имела серьезные проблемы с алкоголем, но в тот последний раз, в Новый год, когда Самоварова ее видела уже беременной, она с этим делом, к счастью, завязала.

Жора быстренько переделался в джинсовые шорты и майку со Спанч Бобом на груди.

Все вещи мальчика, как успела разглядеть Варвара Сергеевна, были новыми и чистыми.

«Интересно, все это для меня, напоказ?! Или же она действительно заботливая и внимательная мать?» – бессильно злясь, не переставала она думать про Регину.

– А что у тебя с обувью? – кивнув на Жорины отличного качества мокасины, спросила Самоварова. – Для здешних мест надо бы купить тебе что-нибудь попроще, – вспомнила она о денежной пачке в сумке.

– Сейчас! – Жора кинулся к разобранному рюкзаку и, открыв внутренний карман, достал оттуда крошечные сланцы. – Мама сказала: на случай, если поедем с тобой на дачу.

«И все-то она предусмотрела! Место, доверенность, расписку, деньги... Даже про дачу доктора откуда-то проуныкала! Потому-то этот чертенок не удивился...»

Странно, но Регина невольно начала вызывать даже некоторого рода уважение – чувство, которого она, эта чокнутая, шесть лет назад чуть не поломавшая ей жизнь, видит бог, не заслуживала!

– Не удивлюсь, если ты скоро достанешь из рюкзака таблетку для бессмертия, – вяло пошутила Варвара Сергеевна.

– Бессмертие? – на лице мальчика читалась напряженная работа мысли. – Это когда ты не можешь стать старым, так?

– Не совсем, – понимая, что случайно затронула слишком сложную для обсуждения даже с крутейшим мудрецом тему, Самоварова кивнула в сторону прихожей. – Надевай свои шлепки и пошли в магазин!

* * *

Старый дачный поселок «Дубки» – бывшая деревенька, с середины прошлого столетия получившая нынешний статус «садового товарищества», был достаточно большим – от его конца, ближе к которому располагался участок доктора, и до начала – шлагбаума, на который года три назад наконец скинулись жильцы, было не менее восьмисот метров.

Дома здесь были настолько разношерстными, что по их виду можно было бы изучать разницу в материальном положении живущих в стране людей.

Едва живые деревянные развалюхи с покосившимися крышами и съехавшими набок окнами, часто стоявшие в ухоженных, густых садах с огородами, соседствовали с крепенькими каменными домами в два, а то и в три этажа. А пара домов, за высоким зеленым забором, несмотря на стандартные – шесть-восемь соток – участки, были площадью не менее четырех-пяти сот метров.

Жора, то и дело задевая в сланцах пальчиками или пятками за камешки и сучки, с любопытством глазел на дома.

– Что, никогда не был в таких местах?

– Мы с мамой бывали за городом. В больших красивых домах. Но здесь все не та-ак, – разочарованно растягивал слова мальчик. – Красивых домов почти нет. И статуй нет, и фонтанов.

– Ты, вероятно, бывал в закрытых коттеджных поселках, а это поселок дачный, – с трудом подавляя в себе не проходящую злость к Регине, а следом за ней – обиду на Аньку и теперь уже и на доктора, сухо пояснила Самоварова. – Здесь в основном живут люди простые, не то что там.

Час стоял послеобеденный, ленивый.

Главная, она же единственная, улица поселка была пуста и тиха, только из-за некоторых заборов время от времени раздавался уже по-летнему веселый беззлобный собачий лай. Всякий раз, когда за забором брехала собака, Жора, напрасно силясь скрыть испуг, прижимался к Самоваровой.

Они прошли от дома метров триста, как вдруг увидели, как из леса, находившегося слева от них, вышел какой-то человек.

Сгорбившись и понурился голову, он неторопливо двигался навстречу.

Любому интересно взглянуть на незнакомца в тот момент, когда тот думает, что его никто не видит. Лицо влюбленного, горящего идеей или блаженного всегда будет живо и подвижно в чертах, и, как правило, оно светится тихой улыбкой.

Лицо же злого по натуре или того, которого раздражает нерешенная проблема, застынет неприятной маской с заострившимися чертами.

Человек, который шел навстречу Самоваровой и Жоре по параллельной тропинке, разделенной посредине с главной дорогой поселка островками жухлой травы, был настолько погружен в себя, что не желал замечать ничего вокруг.

Седой и давно не стриженный, выше среднего роста, при ходьбе едва, но все же заметно заваливавшийся на левую ногу, он был похож на площадного эмигранта-шансонье, задолжавшего всем, кому только можно.

Одет он был добротнo, хотя и небрежно. Выправленная поверх несвежих льняных белых брюк голубая рубашка поло с налипшими на нее хвоей и листвой была помята, словно, подстелив ее под голову, он долго лежал в лесу на земле.

Черты лица, насколько можно было разглядеть на расстоянии, были крупными, правильными и резковатыми, лицо и руки отличала бледность.

Но самое удивительное заключалось в том, что этот немолодой человек (а на вид ему было не меньше шестидесяти) был совершенно бос.

Привыкшая ладить со всеми обитателями поселка, Самоварова решила на сей раз не здороваться – иначе ей пришлось бы довольно громко выкрикнуть приветствие, учитывая погруженность в себя почти поравнявшегося с ними и по-прежнему смотревшего под ноги незнакомца.

Из всего дачного поселка она была шапочно знакома только с парочкой ближайших соседей. Приезжая на дачу, они с доктором любили вести уединенную, без хлопот и местных сплетен, жизнь.

– Какой он страшный, – сказал Жора, когда, поравнявшись с незнакомцем, они прошли немного вперед.

– И чем он тебе не нравится? – почувствовав что-то необъяснимо нехорошее, спросила мальчика Варвара Сергеевна.

– Чем? – сдвинув густые бровки, задумался Жора. – Тем, что у него нет таблетки для бессмертия! – на полном серьезе выпалил он.

– Не болтай глупости! Я просто пошутила. Хотела разрядить обстановку.

– Нет! – желая развить тему, воскликнул мальчик. – Он выглядит так, будто уже умер!

– Ты где-то видел тех, кто умер? – сглотнув, спросила Варвара Сергеевна.

– Да, мы с мамой один раз видели, как старенький человек умер в парке. Когда мы подошли к нему, он был уже почти мертвый, а потом стал мертвым совсем.

– Это как?

– Там, в парке, у лавки, стояли люди. Мы шли с мамой по дорожке, и вдруг какая-то женщина подскочила к нам и стала кричать, что нужно вызвать «Скорую», а у нее разрядился телефон. Мама умеет лечить людей, и мы подошли к этому старику, которого раньше иногда там встречали. Мама наклонилась, взяла его за руку, что-то послушала у него внутри, а потом сказала этой женщине и еще одной, которая с ней стояла, что с ним «уже все». Она схватила меня за руку, и мы ушли оттуда очень быстро. Я спросил у мамы, что это значит – «уже все», а она сказала, что у того человека смерть давно стояла за спиной и помочь ему было нельзя.

Рассказ мальчика отозвался в спине холодком – если доморощенное «врачевательство» Регины оставляло уйму вопросов, то превосходной интуицией она, бесспорно, обладала.

– Но этот человек не такой уж и старенький. Он, возможно, мой ровесник, – хмурилась Варвара Сергеевна.

– Ты меня не поняла! – всплеснул ручонками Жора. – Ты не такая еще старая.

– Ты же вчера сказал, что старая.

– Да... то есть нет, – путаясь, силился выразить свою мысль мальчик. – Ты старая по сравнению с твоей фотографией. И... даже не так!

– А как? – нетерпеливо ожидала его разъяснения Варвара Сергеевна.

– На фотографии у нас дома ты выглядишь... Как женщина, которая хочет конфет и хочет танцевать.

– Здорово... А сейчас – нет?

– А сейчас ты выглядишь как женщина, которая не разрешает есть конфеты из-за того, что они вредные, и не хочет танцевать, потому что устала на работе.

– Неужели прямо так?

Варвара Сергеевна обладала самоиронией, и наблюдение Жоры ее развеселило.

– Так! Но смерть не стоит у тебя за спиной. Она тебя даже боится, – решив пошутить, лукаво скосил на нее черный глаз Жора. – Я просто хочу разрядить обстановку! – добавил он.

– Спасибо, успокоил, – не сдержавшись, она потрепала мальчишку по упругому чернявому затылку.

В магазине, в отделе при входе, ей втюхали самую дорогую из имевшихся «элитную» китайскую зарядку. Пока беседовала с продавцом, Жора прилип взглядом к отдельно стоявшей витрине с шоколадными конфетами.

Вспомнив, что мальчишку надо чем-то кормить, Самоварова потянула его в небольшой зал супермаркета.

– Сосиски возьмем. Ты же ешь сосиски?

– Не знаю.

– Что – не знаешь? Ешь ли ты сосиски?

– Я никогда их не ел, – просто ответил Жора.

– А что же ты ешь, кроме картофельного пюре?

– Мама готовит разную еду, и я тоже умею готовить.

– И что вы готовите?

– На завтрак мама варит кашу на кокосовом молоке или яйца, фермерские. А я выжимаю для нас сок. В обед мама варит постный суп, запекает с овощами мясо или курицу с рынка. Булгур еще делает с маслом кхи, салаты зеленые – немножко оливкового масла и совсем чуть-чуть бальзамика.

– Вот что! – перебирая в руках упаковки с сосисками, бесилась Самоварова. – Я тебе не мама и не повар! Отварим сосиски. Можно обжарить, уж прости, на обычном масле мороженные овощи, – сказала она, кинув в корзинку упаковку сосисок, показавшуюся ей на вид самой приличной, и ища взглядом морозильную камеру. – Завтра привезут продукты, может, сварю тебе какой-нибудь постный суп.

– А конфету купишь? Ну хоть одну? – обернувшись и ткнув пальцем в витрину, канючил Жора.

Они набрали целую коробку конфет ручной работы.

Не только Жоре, но и сладкожке Самоваровой захотелось хоть чем-то себя потешить в этот сложный день.

Фисташковые с пралине, из молочного шоколада с карамелью, из белого шоколада с миндалем и без – конфеты разных форм плотными рядами улеглись в картонную белую коробку, которую до того сучавшая и миглом оживившаяся продавщица перевязала сверху красной лентой.

– У тебя нет аллергии? – на всякий случай уточнила у мальчика Самоварова.

Если Регина продумала наперед, что мальчику на даче могут понадобиться сланцы, уж лекарства она положила бы в первую очередь и сообщила бы об этом в своих чертовых посланиях.

– Я не знаю, – пожал плечами Жора.

– Но шоколад ты же ешь?

– Да. На мой день рождения и на Новый год мама печет шоколадный торт из миндальной муки.

«Твою ж мать... Она теперь еще и торты печет!» – с едким сарказмом, впрочем, уже без прежнего накала ненависти подумала про себя Варвара Сергеевна.

Щекастая, с густо накрашенными в технике «смоки-айз» глазами и надутыми розовыми губами продавщица средних лет с интересом прислушивалась к разговору.

– Заварим чай и будем обжираться культурно, – продолжал Жора, и глаза его в предвкушении запретных сладостей радостно блестели. – И еще будем вести светскую беседу.

– Посмотрим, – расплатившись бесконтактной картой в приложении мобильного, ответила Самоварова.

– Ой! – прицокнув языком встряла в разговор продавщица. – Потрясный он у вас! На первый канал ему надо, в какое-нибудь шоу! Такой еще кроха, а говорит как взрослый! И чисто-то как говорит, не шепелявит и не картавит, как мой... Вы, наверное, по какой-то особой методике с ним занимаетесь?

Самоварова поглядела на Жору, но тот, с довольным выражением на своей лукавой физиономии, пожал плечами.

– И чья это заслуга, мистер маленький гений? – не унималась продавщица.

– Вероятно, его матери, гугла и неведомых нам сил, – почти не разжимая губ, скупой ответила Самоварова и, не желая продолжать разговор, развернулась к выходу. – Спасибо и всего вам доброго.

Жора нес в ручонке белую коробку с красным бантом, а Самоварова тащила получившийся довольно увесистым пакет с продуктами.

По дороге они встретили какую-то юную мамашу в неприлично коротеньких – «ползадницынаружу» – шортах. Девушка катила впереди себя закрытую коляску, смеялась и громко говорила с кем-то по мобильному.

У многих домов появились припаркованные вплотную к заборам машины – те, кто мог себе позволить уйти с работы пораньше или просто отлучались по делам, уже вернулись из города.

Вскоре они вновь увидели того босого человека.

Он сидел на земле, на обочине главной дороги, недалеко от места, где их пути встретились полчаса назад.

Сидел в позе мыслителя – обхватив колени руками и склонив седую голову к земле.

От Самоваровой не укрылось, что, завидев его, Жора тут же обогнул ее и пошел рядом с той стороны, что была подальше от незнакомца.

– Нужна помощь? – остановилась Варвара Сергеевна в паре метров от странного незнакомца. Казалось, он ее не услышал.

На правой руке, напряженно сжимавшей колено, красовались часы, совсем не дешевые, насколько она в том разбиралась, на солидном кожаном ремне. А на безымянном пальце – тонкое обручальное кольцо.

На бледной морщинистой шее висела массивная золотая, каких сейчас приличные люди не носят, цепь. Под рубашкой, вероятно, покоился такой же массивный, как цепь, золотой крест.

– Я могу вам чем-то помочь? – повторила вопрос Самоварова.

Человек поднял голову и поглядел на нее.

Взгляд его серо-голубых выцветших глаз под светло-русскими бровями выражал страдание – не ситуативное, а такое, будто он пил его большими порциями на протяжении долгого времени.

– Можете, – ответил он, и его грудь начала быстро и лихорадочно вздыматься, словно в нем сидел раненый великан, – только не сегодня.

Не зная, что сказать, Самоварова коротко представилась:

– Варвара Сергеевна, ваша соседка.

– В каком доме живете? – скользнув по ней быстрым взглядом, безо всякого интереса спросил мужчина.

– В тридцать первом. Отсюда метров триста, на север.

– Из органов? – поглядев на нее уже внимательнее, вяло поинтересовался он.

– Майор полиции. В отставке.

– Рад знакомству. Генерал Поляков. В отставке, – придерживая себя руками за поясницу и с трудом привстав с земли, он протянул ей растопыренную пятерню. Ногти на руках, как разглядела Самоварова, были коротко и аккуратно подстрижены.

Без удовольствия скользнув по холодной, как воск, ладони, Варвара Сергеевна, заглушая в себе неприятное ощущение, которое пронзило ее при первой встрече с Поляковым, как можно более дружелюбно спросила:

– Как поняли, что я из органов?

Она перевела взгляд на его босые, в подкатанных льняных штанах ноги.

Они были по щиколотку в серой дорожной пыли, но ногти так же, как на руках, были коротко острижены.

– Девять из десяти женщин, – будто очнувшись от тяжелого сна, заговорил генерал, и лицо его вдруг порозовело, – на мой вопрос просто махнули бы рукой в ту сторону, где живут. Пять из десяти, скорее всего, вспоминали бы номер своего дома, все же теперь хранится в приложениях, не в памяти, – уж как-то слишком драматично по отношению к сказанному развел он свои жилистые, подкачанные длинные руки. – Вы же четко ориентируетесь в обстановке – это свойственно мужчинам, военным и следователям. Для военнослужащей у вас слишком женственные, – окинул он ее вездливый, не лишенным мужского интереса, но без грамма пошлости взглядом, – м-м-м... манеры. Значит, вы следователь. Я угадал? – пытаюсь изобразить улыбку, оскалился он, и взору Самоваровой предстали два ряда ровных белых зубов.

– Бывший следователь по особо важным делам N-ского отделения милиции города Санкт-Петербурга. То есть полиции, – поправилась Самоварова, так и не привыкшая к смене названия.

– Генерал МВД, – расправил плечи Поляков. – До выхода на пенсию руководил миграционным отделением города С.

– Понятно, – кивнула Самоварова. – В нашем городе я почти всех из старой гвардии, из начальства, хотя бы шапочно знаю. А с другими городами не каждый день приходилось сталкиваться.

Он запустил пятерню в разросшиеся седые пакли и напряг лоб:

– У полковника Никитина скорее всего работали.

– У вас прекрасная память, генерал.

– К сожалению, – промолвив это, он вдруг словно весь сжался. Его взгляд потух и вновь обратился внутрь себя. – Никогда не предлагайте помощь людям, если они вас об этом не просят, – сказал он глухо и, развернувшись спиной к Самоваровой и притихшему Жоре, слегка прихрамывая, двинулся по дороге в противоположную их пути сторону.

Варваре Сергеевне захотелось остаться на месте и посмотреть, куда, в какой конкретно дом – или снова в лес? – пойдет босой генерал, но Жора настырно тянул ее за руку:

– Пойдем скорее, я хочу чаю и конфет! – Он энергично тряс в воздухе белой коробкой. – Он такой страшный, не говори больше с ним! – оглянулся мальчик на удалявшегося генерала.

– Прекрати говорить глупости! – неуверенно возразила Самоварова и, повинувшись не то вернувшемуся к ней тревожному ощущению, не то эгоизму своего подкидыша, быстрым шагом пошла рядом с ним вперед по дороге.

2

У Швыдковского в тот вечер был изумительный кальвадос и восковые, привозные, нарезанные крупными дольками яблоки.

Для тех, кто не хотел пить кальвадос, предлагался стандартно хороший и оттого скучный французский коньяк.

На круглом сервировочном столе, придвинутом вплотную к свободному углу игрального (накрытого зеленым сукном, как и полагается в солидных игорных заведениях), грудились на крахмальной белой скатерти хрустальные рюмки на тонких ножках и хрустальные же пузатые коньячные бокалы с серебряным ободком.

На двух фарфоровых блюдцах распластались тонкие лепестки лимона, присыпанные мелко толченной шоколадной крошкой и сахаром.

На большом проекторе, висевшем на стене над лестницей, шел в беззвучном режиме какой-то старый вестерн с Грегори Пеком.

Из двух динамиков, расставленных по углам мансардного, метров в семьдесят, этажа, негромко и сишло звучал голос Нины Симон.

В помещении было два игральные стола: который побольше – под зеленым сукном, и еще один, поменьше, с бордовой, «родной» обивкой игральное поля, но присутствовавшими игроками пока был занят только большой.

Швыдковский, хозяин катрана, вот уже лет десять борющийся с онкологией, расхаживал взад-вперед по проходу между столами.

Нетерпеливо поглядев на наручные часы, он недовольно поморщился.

– Начинаем без них, – раздраженно сказал он, обращаясь к тем четверым, что уже сидели за большим столом.

– Никогда не понимал, почему мы должны начинать синхронно, – отозвался Поляков, с нетерпением поглядывая на лежавшую на белом листе формата А4 запечатанную в прозрачную пленку карточную колоду.

Настроение у него с утра было препоганое.

– Потому что должен быть тайминг! – визгливо ответил Швыдковский, и хорошо очерченные, опущенные вниз носогубные складки на его маленьком желтоватом и высохшем, с маленьким хищным носом лице еще больше заострились.

– Ираида Михайловна недовольна, когда засиживаемся, – добродушно крикнул полный, килограммов в сто двадцать, Борис – терпеливый, не рискованный, никогда много не выигрывавший, но и редко проигрывавший преферансист.

– Не в этом дело, – продолжал кипятиться хозяин. – Сначала они мечтают сюда попасть, а потом, еще даже не попав, демонстрируют неуважение и ко мне... и к вам, – добавил он, явно рассчитывая на поддержку присутствовавших. – Сказали ровно в шесть – значит, ровно в шесть.

Аркадий, один из самых молодых в этой компании, смуглый почти до черноты армянин, по шесть раз в год исхитрявшийся отдыхать на морях и океанах хозяин успешного бизнеса по выращиванию экологически чистых овощей, достал из заднего кармана брюк мобильный.

– Пять минут седьмого, – протянул он, шустро подскочил с кресла и, подойдя к Швыдковскому, сунул ему в руки свой телефон: – Прости, бро, замешкался.

– Ты че, в Бруклине, что ли, рос? Какой он тебе бро? – беззлобно усмехнулся Ренат, четвертый игрок, сидевший за столом.

Поговаривали, что фэсэошник Ренат близко знаком с крупными торговцами наркотой, впрочем, это никак не сказывалось на его игре – играл он и честно, и хорошо.

Швыдковский, нервно покрутив в руке мобильный Аркадия, отнес его к низкому журнальному столику, стоявшему в глубине помещения у стены, и положил в деревянную коробку, где уже лежали мобильные остальных игроков.

Не успел он закрыть коробку, как телефон издал громкий «бульк».

– Ты что, не выключил?! – обернулся Швыдковский на Аркадия, уже успевшего занять свое кресло за столом.

– Ой, сорри! – Аркадий встал и вальяжно проследовал к коробке. – Секунду, шеф, – скривил он губы, – запомнил.

На лестнице раздался топот приближавшихся шагов.

Вошли трое: Кирилл, Любимов и Алексей Николаевич – давнишние, проверенные посетители катрана – и обменялись с присутствовавшими дежурными рукопожатиями.

Кирилл, лысый, низкорослый, пузатый доктор-проктолог, пройдя к столику, тут же похозяйски налил себе коньяку, а торговавший на виртуальной бирже пенсионер Любимов первым делом достал из портсигара сигариллу, шелкнул серебряной зажигалкой и, смачно затягиваясь, закурил.

– Минуты две еще буквально, – глядя в недовольное лицо Швыдковского, просяще сказал Алексей Николаевич. – Мы ждали новичка внизу, но на дороге недалеко от съезда произошла авария... С минуты на минуту игрок будет здесь.

– Я сколько раз говорил – не толпиться внизу! – темные, навывкате глаза Швыдковского, казалось, вот-вот вылезут из орбит. – Мне не нужны лишние разговоры соседей.

– Мы в машине моей сидели, шеф, – бросив короткий и многозначительный взгляд на проктолога, отозвался Любимов и, глубоко затянувшись, тут же сухо прокашлялся.

– Надеюсь, сегодняшние карты не будут выскальзывать из рук, как в прошлый раз. Уже открыли колоды? – кандидат экономических наук Алексей Николаевич явно тянул время. Он

не хуже остальных знал правила: нераспечатанные колоды Швыдковский откроет только в тот момент, когда все игроки займут свои места.

– А прошлые-то были дешевенькие. Что, оптом в «Озоне» брал? – сверлил Швыдковского насмешливым взглядом Аркадий.

– Две минуты! – исполненным раздражения голосом сказал хозяин катрана. – Если четвертый не приходит, уходите и вы. Простите, таковы правила, – не глядя ни на кого, напомнил он.

Не успел Алексей Николаевич, который и заявил этого четвертого, нового в катране игрока, ответить, как по лестнице застучали чьи-то каблучки.

Вошедшей, запыхавшейся, в атласном зеленом платье, сверху которого был накинут расстегнутый светлый плащ, девушке, было на первый взгляд чуть больше тридцати.

Густые каштановые волосы были собраны в тугую, в стиле ретро, ракушку на затылке, а декольтированное на грани приличия платье демонстрировало собравшимся мужчинам очертания маленькой и налитой груди. Она была узка в бедрах, достаточно, насколько позволяло судить платье ниже колен, длиннонога и обладала столь любимым некоторыми мужчинами едва заметным округлым животиком.

Лицо ее нельзя было назвать особо красивым, но оно безусловно притягивало мужской взгляд.

Нос был маленьким, чуть курносый, скулы, несмотря на какую-то подростковую припухлость, хорошо очерчены, а верхняя губа казалась чрезмерно пухлой по сравнению с тонковатой, чуть выдававшейся вперед нижней, что свидетельствовало о неисправленном прикусе и отсутствии в губах филлеров.

Взгляд зелено-серых, больших, близко посаженных глаз был пытливым и беспокойным.

Она была густо накрашена – ярко-красная помада, тяжелые стрелки на верхних веках, густые ресницы и бронзовые румяна.

Если оценивать ее в целом, девушка скорее была похожа на приму какого-нибудь провинциального театра или развлекавшую себя и публику разными образами инстаграмщицу, но уж никак не на серьезного карточного игрока.

В одной руке у нее была черная бархатная на витой цепочке сумочка, другой девушка с трудом удерживала, прижимая к груди, бумажный пакет с логотипом сетевого, торгующего алкоголем магазина.

Поляков вдруг почувствовал, как к лицу прилила жаркая волна.

Он встал и подошел к маленькому треугольному окошку.

– Никто не против? – привстав на цыпочки, дернул ручку вниз. – Душновато у нас сегодня.

– Надо же! Не ожидал, – изменившись в лице, замурлыкал Швыдковский и, подойдя к незнакомке, потянулся своими жилистыми длинными пальцами к пакету. – Позвольте, помогу.

– Столько денег сразу принесли! – кивнув на пакет, попытался сострить Ренат. – И правильно, вас должны были предупредить: никаких переводов на карту, только нал.

Девушка вскользь одарила его то ли насмешливой, то ли испуганной улыбкой и посмотрела на Швыдковского.

– Не ожидали, что придет женщина? – издала она мелкий, нервный смешок, а потом обвела быстрым взглядом присутствующих.

Ей никто не ответил.

Конечно, не ожидали...

Но правила катрана участвовать женщинам в игре не запрещали.

Так уж вышло, что за три с половиной года существования этого частного клуба женщины здесь не появлялись. Домработница Швыдковского готовила помещение к игре и убирала его только в отсутствие гостей.

Жене же Швыдковского, как женам остальных игроков и иным любопытствующим, вход сюда был воспрещен.

– Это для нас, – кивнула девушка головой на пакет в руках Швыдковского. – Понемногу же у вас не возбраняется? – снова хихикнула она, и Полякову показалось, что по полу рассыпью раскатился мелкий бисер – того и гляди вопьется в пятки.

Хозяин катрана вытащил из пакета упакованную в картонную коробку бутылку коньяка от известного дома.

– Приветствуется! – слишком радостно сказал он, будто точно такая бутылка не стояла сейчас на сервировочном столике.

Алексей Николаевич подошел к девушке и взял ее за руку.

Лицо его выражало довольство: удивил так удивил!

– Позвольте представить вам, господа, игрока, о котором я заявлял. С нами сегодня Агата Дмитриевна.

Все, кроме Полякова, – кто вяло, с одолжением, кто нетерпеливо, кто насмешливо, – похлопали.

– Агата, это Агафья? – раздевая девушку взглядом, спросил Ренат.

– Крестили да, Агафьей, – выдержав его взгляд, кивнула она.

– А здесь не крестят, здесь только обувают, – оскалившись, сострил Аркадий.

Агата, пытаясь справиться с волнением, упрямо поглядела на Алексея Николаевича.

– Давно играете? – встрял Поляков.

Эта девка – вульгарная, неуместная в их тайном мужском клубе особа – мозолила всем глаза.

Аркадий, усмехаясь, повторил вопрос:

– Да, нам всем хотелось бы узнать, как давно?

– С детства, – по-прежнему глядя на одного Алексея Николаевича, задрав подбородок, слегка дрогнувшим голосом ответила Агата.

– Надо же, как интересно! – комично поиграл бровями Ренат. – Никто из нас не может похвастать подобным. Мы тут так, чисто от скуки.

Некоторые из присутствующих, включая Полякова, делано засмеялись.

– Что ж, – пытаясь погасить искру, добродушно улыбаясь, встрял толстый Борис. – Вот мы сегодня и проверим! Правила клуба Алексей Николаевич должен был объяснить. Про нал Ренат напомнил. А правило первое касается телефона.

Агата открыла сумочку и, покопавшись в ней, достала мобильный.

Поляков успел разглядеть мелькнувшую пачку купюр.

– Я его уже выключила перед тем, как подняться. Куда положить?

Швыдковский, продолжавший стоять рядом, тут же подхватил мобильный из ее рук и танцующей походкой пошел к коробке.

– Давайте уже начинать! – Ренат встал и, подойдя к сервировочному столику, налил себе кальвадоса. Выпив залпом, по-пацански, схватил дольку яблока и начал нюхать ее, как черняшку.

– Что вам налить? – продолжал любезничать с Агатой вернувшийся Швыдковский. – Есть коньяк, но я бы советовал попробовать кальвадос. Сын вчера привез. Лучший французский бренд. Очень рекомендую.

– А я не рекомендую, – поморщился Ренат. – Не впечатлило.

– Я бы выпила шампанского, – ответила Агата.

– Шампанское вроде было внизу, в холодильнике, – продолжал суетиться вокруг гостьи Швыдковский. – Я почти уверен, что с Пасхи там завалилась бутылочка «Моэт и Шандон».

– Давайте уже начинать! – выкрикнул со своего места Поляков. – Пятнадцать минут седьмого!

- Согласен, – подхватил Ренат.
- Шампанское достанется победителям после финала, – вернул Аркадий.

* * *

Карта Полякову в тот вечер упорно не шла.

Рисковый Ренат дважды сел на мизере, а Аркадий пару раз ошибся в подсчетах, из-за чего много взял на распасах.

В финал вышли аккуратный Борис и Поляков, не проигравший лишь потому, что у коллег образовались гигантские «горы».

За соседним столиком, со стороны которого часто раздавался то мелкий, бисерный, то грубоватый грудной смех Агаты и сдержанные, но довольные смешки мужчин, обстановка была куда веселее, чем за большим.

Прислушиваясь на своей раздаче к оживленному разговору соседей, Поляков выяснил, что Алексей Николаевич когда-то играл с отцом Агаты, своим соседом по старой даче.

Дмитрий Валентинович, как не раз подчеркнул он в разговоре, был в преферансе настоящим бойцом.

Агату же Алексей Николаевич знал еще с тех времен, когда она, совсем девчонкой, не отлипала от стола, наблюдая, как играют взрослые.

Проезжая недавно мимо старой дачи, Алексей Николаевич решил заглянуть к бывшему соседу и встретил там уже взрослую Агату, захавшую проведать отца.

День был воскресный, ненастный, на дорогах образовались большие пробки, и Дмитрий Валентинович уговорил товарища пересидеть их и остаться на обед.

После десерта с коньячком расписали, будто в шутку, пулюку на троих. В итоге просидели шесть с лишним часов.

«Агата, – с восторгом рассказывал Алексей Николаевич, – нас, стариков, тогда разнесла!» После этого, по ее настойчивой просьбе, он и заявил Агату в катране.

В двадцать минут девятого – ровно через два часа после начала игры – зазвонил будильник на мобильном Швыдковского, оповещая о том, что полуфинал закончился.

За маленьким столом с небольшим отрывом в пуле выиграли Агата и Любимов.

Предстоял финал.

Небрежно кинув проигранные деньги на стол, Ренат, забрав айфон, тут же уехал к своей темпераментной герлфренд, о которой только и говорил весь последний месяц, Аркадий же дождался такси и вскоре тоже покинул катран.

Агата, до того лишь едва потягивавшая коньяк, перед первой раздачей в финале вдруг попросила у хозяина нахваленного им кальвадоса.

Швыдковский удовлетворил ее просьбу и машинально наполнил рюмки оставшихся игроков.

Поляков пить за игрой не собирался, к тому же был за рулем.

Отставив рюмку в сторону, он с раздражением наблюдал, как оставшийся посмотреть игру Алексей Николаевич следил не столько за картами, сколько за своей подопечной.

Мягкий в манерах, беззлобный и нарочито, в угоду публике, чрезмерно впечатлительный Алексей Николаевич был старше Агаты лет на двадцать. Как знал Поляков, этот «плюшевый» с виду преподаватель университета был давно и обреченно женат на истероидной учительнице русского языка, вместе с которой растил двоих детей и в обществе которой постоянно от чего-то лечился в санаториях Сочи.

Финал, по правилам, играли уже не на время, а на количество очков.

Поляков искоса наблюдал за Агатой.

Пить она вдруг стала на удивление много – разгоряченный от накаленной обстановки за столом хозяин то и дело коварно подливал ей крепких напитков.

Зато ее кокетство вмиг улетучилось – сквозь грим на лице проступала крайняя степень сосредоточенности, а на замыленные до дыр шутки преферансистов – особо болтлив был Алексей Николаевич! – она отвечала лишь сдержанной улыбкой.

На третьей раздаче Полякову наконец пришла хорошая карта.

– Восемь первых, – решив на терять драгоценное для игроков время, без лишних торгов объявил он игру.

Борис, пяля в карты водянистые глаза, на несколько мучительно долгих секунд задумался.

– Пас, – нехотя уступил он.

– Мизер, – ядовито прошелестела Агата.

Поляков оторвался от карт и впервые за вечер открыто взглянул на нее.

На алых губах бродила какая-то жестокая и вместе с тем рассеянная, будто предупреждающая, что лучше уступить, улыбка.

Он перевел взгляд на стоявшего за ее спиной Алексея Николаевича, тот не отрывал напряженного взгляда от карт Агаты.

– Девять. Без прикупа, – даже не став оценивать возможный риск, поднял стоимость игры Поляков.

– Мизер без прикупа.

– Пас, – давя в себе ярость, сдался Поляков. На руках у него было восемь взяток.

Агата положила карты на стол. Мизер был «чистый».

А сама она грязная.

Залетная девка, которая, охмутив скужавшего от размеренной жизни друга отца, проникла в их мужскую обитель, чтобы устроить в ней бардак.

3

Сосиски пожарили на мангале.

Не то чтобы Самоваровой так уж хотелось «не хуже, чем мама» накормить ходившего за ней хвостом липучку, – ей не терпелось поскорее запустить жизнь в старую дачу, подарившую им с доктором столько счастливых минут.

В чуланчике нашлись угли и шампуры, и даже, к восторгу Жоры, томатный кетчуп, который он, оказывается, как и сосиски, не пробовал никогда, зато часто видел в рекламе.

Попивая чай вприкуску с оказавшимися изумительно вкусными конфетами, Самоварова вдруг с ужасом поняла, что забыла купить кофе.

Она могла обойтись без многих вещей, но только не без кофе.

Пошарив в напрасной надежде в кухонных шкафах, удрученно обнаружила, что запасов с прошлого года не осталось.

Если бы у мальчика был мобильный, она могла бы быстренько добежать до местного магазина, но в отсутствие связи оставлять пятилетнего ребенка одного она не решалась.

– Ты что, все конфеты зараз собираешься съесть? – обернулась Варвара Сергеевна к Жоре. Пока рылась в шкафах, картонная коробка успела опустеть больше чем наполовину.

– Ну, – ответил он с набитым ртом, – эту и еще одну, последнюю.

– Все! – подойдя к столу, Самоварова закрыла коробку. – Оставь на потом. Будешь получать по две конфеты после обеда. Еще аллергии нам не хватало.

Жора мигом надулся и стал похож на черного смешного хомячка.

– А вдруг мама уже завтра вернется? – оgoroшил он Варвару Сергеевну простым вопросом. – Лучше сегодня все съесть.

Самоварова не на шутку растерялась.

«Как было бы чудесно, если бы твоя безумная мать действительно завтра вернулась и забрала тебя отсюда ко всем чертям!»

– Собирайся, нам снова нужно в магазин, – не глядя на мальчика, скомандовала она.

– Я не хочу! – упрямылся раздосадованный Жора. – Мы уже там были.

– Были, но из-за твоих конфет я забыла купить кофе.

– Кофе вредно. Мама сказала.

– Она и конфеты тебе есть не разрешает.

– А что... ты ей разве скажешь? Ты сама их купила, значит, будешь помалкивать!

– Хочешь, сиди один. – Не преставай изумляться недетской остроте его ума, она скинула в коридоре тапки и начала обуваться на выход.

– А чупу купишь? – без зазрения совести торговался Жора.

Самоварова не ответила и открыла входную дверь.

Возле калитки (на что и рассчитывала Самоварова) Жора ее нагнал.

– Что мы будем делать, когда придем? – тут же начал приставать он с вопросами. – Я видел, у тебя есть с собой ноут, давай смотреть какой-нибудь сериал!

– Рано тебе еще сериалы смотреть. В доме есть телевизор. Найду тебе детский канал.

– И ты тоже будешь детский канал смотреть? – насмешливо спросил он.

– Не буду. Займусь своими делами.

– Нет, я хочу вместе с тобой смотреть сериал! – изводил ее нытьем Жора. – Давай про майора Черкасова, это мой любимый!

– Посмотрим, – пробурчала в ответ Варвара Сергеевна, но выбором мальчика была приятно удивлена.

Про майора Черкасова она, чего греха таить, любила смотреть и сама.

Сюжетных ляпов в этом «народном» сериале было полно, а диалоги героев часто поражали своей ненатуральностью, но истории про неподкупного майора напоминали ей о временах ее молодости, когда вся страна, включая самих ментов, нетерпеливо ждала передававшуюся по центральному каналу очередную серию «Знатоков» с харизматичным Каневским в одной из главных ролей.

Купили две банки хорошего молотого кофе, а вместо «чупы» пачку леденцов без сахара.

Выйдя из магазина и открыв пачку, оба положили в рот сразу по две штуки; Самоварова – только потому, что хотелось курить, а при мальчишке, да еще на ходу, делать это было уж совсем непедагогично.

Дорбгой Жора начал по просьбе Варвары Сергеевны пересказывать ей давешний сезон про Черкасова, который она почему-то не смотрела.

– Знаешь, что такое катран? – важно спросил Жора.

– Не помню, – схитрила Самоварова.

Когда он не ныл или не напоминал про свою чертову маму, ей было интересно его слушать.

– Красивые тети и серьезные дяди ходят туда играть в карты. А у мамы на айпэде есть приложения всяких игр, я играю в шары, а мама...

– Так, и что там было в катране? – перебила Самоварова.

– Там было много денег и много убийств.

– Логично, – усмехнулась Варвара Сергеевна.

– Одна красивая, но уже старая тетя проиграла другой в карты. Ее еще в начале убили, вот так! – Жора, сложив два пальца, изобразил нож и, закатив глаза, провел ими по горлу. – И мужика ее, представь себе, убили тоже!

– Кошмар. И сколько же этой старухе было лет?

– Ну... – задумался Жора, – лет тридцать.

– Да что же у тебя за путаница в голове? Тридцать – это даже не зрелость, а самая что ни на есть молодость.

– Но Черкасов не молодой! А его одновременно любят три женщины. Не молодые... ладно, – свеликодушничал мальчик, – не очень старые. Одна из них, у которой ребенок больной, чем-то на тебя на той фотографии похожа.

– Что-то мне не верится, чтобы твоя мать смотрела с тобой этот сериал, – покосилась на мальчишку Варвара Сергеевна.

– Ну... – лукаво улыбался он, – я смотрю про Черкасова у тети Раисы, – признался он.

– И кто эта тетя Раиса?

– Соседка наша. Когда мама не может взять меня по делам, Раиса сидит со мной за две тысячи рублей в день.

– И что, тетя Раиса хорошая няня? Как Арина Родионовна? – любопытствовала Варвара Сергеевна.

– Не... она не няня. Просто наша соседка в больших толстых очках. Я ей помогаю платить за разные вещи по интернету, оформить доставку, говорю ей всякие цифры. Она никак не может запомнить наш индекс. И еще она не помнит наизусть номер своего мобильного, представляешь?

– Представляю...

– Вот я и думаю: почему тетя Раиса сама мне не платит по две тысячи рублей?

Самоварова от души рассмеялась.

За болтовней не заметили, как дошли до дома.

Вдруг, прервав свой рассказ про Черкасова и катран, то и дело откатывавшийся к началу из-за уточнений Самоваровой, Жора застыл на дороге как вкопанный. Его лицо исказил ужас.

– Что с тобой? – остановилась Варвара Сергеевна.

Мальчик дрожал. Рот его приоткрылся, зрачки расширились.

– Да что ты в самом деле! – испугалась она.

«Еще не хватало, чтобы у мальчишки была эпилепсия! – лихорадочно пронеслось в голове. – Неужели хватило наглости не предупредить?! Или она из-за этого не могла взять его с собой?!»

– Что ты?! Ради бога, не молчи!

Жора ткнул пальцем куда-то вперед.

Метров за пять от их забора сидела довольно крупная собака – рыжеватая, короткошерстая, с вытянутой мордой и блестящими черными глазами. Судя по сильным, уверенно расставленным лапам, да и в целом по экстерьеру, это была дворняга с примесью овчарки.

Собака, насколько могла разглядеть Самоварова, была без ошейника.

– Ты что, боишься собак? – догадалась Варвара Сергеевна.

Жора кивнул.

– Не надо бояться, – уверенно сказала она. – Видишь, он просто сидит, не рычит и не нападает.

По опыту Варвара Сергеевна знала, что бешеная или просто агрессивная, голодная собака, подобно хищнику, способна выждать добычу и любое неловкое движение может спровоцировать ее на нападение.

Немного успокаивало лишь то, что собака не производила впечатления бродячей, в поселке многие держали собак. Возможно, пес просто удрал с какого-то участка.

– Стой здесь и не двигайся! Я пойду первая и открою калитку. По моей команде пойдешь медленно, только не вздумай бежать. Понял?

Жора с силой вцепился в ее руку:

– Нет! Не уходи! – умоляюще шептал он.

– Тогда пойдем вместе. Я пойду со стороны собаки, а ты, не глядя на собаку, пойдешь рядом.

Схватив Жору за руку, она потащила его вперед.

Пес сидел на месте и не шевелился.

Когда они приблизились к калитке, Варвара Сергеевна, едва повернув голову, посмотрела животному в глаза. Раздался короткий сердитый рык, но она уже успела открыть калитку и толкнуть мальчишку на территорию участка.

Собака подбежала, остановилась в паре метров от Самоваровой и, словно по чьей-то невидимой команде, послушно села.

Вблизи пес оказался красив, шерсть его была здоровой и без проплешин; взгляд не то чтобы грозный, но настороженный, полный решимости в любой момент среагировать так, как подскажет его природа.

– Откуда ты здесь, друг? – пытаясь держаться спокойно, спросила Самоварова.

Жора, отбежав в глубь участка, в дом не уходил и, обхватив себя ручонками, наблюдал за этой сценой.

– Если ты заблудился, я позвоню в специальную службу, и они найдут твоего хозяина.

Пес, не приближаясь, издал короткий, словно приветственный рык.

– Аря! Иди скорей сюда! – истошно закричал Жора. – А то он тебя разорвет!

– Хороший мальчик, хороший, – причитая себе под нос, Самоварова взялась за ручку калитки, – посиди пока здесь.

Когда она зашла на участок и плотно закрыла за собой калитку, Жора бросился ей навстречу.

– Аря, прогони его или убей! – кричал он в истерике и с силой дергал ее за рукав.

* * *

Как только зашли в дом, мальчик вбежал в гостиную и бросился на диван лицом вниз.

– Что тебя так напугало? – присела рядом Варвара Сергеевна. – Тебя кусала собака?

– Не-ет, – сквозь всхлипывания, отвечал он.

– Маму твою кусала? – нахмурившись, предположила Самоварова. – Почему ты так испугался?

– Не... не помню...

Варвара Сергеевна, конечно, знала, что подавленные, прячущиеся в глубинах подсознания травмы – вовсе не выдумка психологов.

Чтобы выявить причину, запускающую триггер, требуется раскопать в себе правду или же довериться тому, кто способен в том помочь.

Если верить специалистам, травма, полученная матерью во время беременности, могла, внедрившись в «поле» плода, отразиться на нем самом.

– А мультики про собак ты любишь? – стараясь переключить ребенка на что-то позитивное, спросила она.

– Да! – Он повернулся на бочок и зарылся лицом в ее коленки.

– И собаки там совсем не страшные, верно? – Она погладила мальчишку по голове.

– Они там сделаны на компьютере.

Глядя на слипшиеся от пота волосы мальчика, Самоварова подумала, что неплохо бы ему вымыть голову.

– И настоящие совсем не страшные. Ты просто о них ничего не знаешь. Живое убивать нельзя. И даже желать подобное – большой грех.

– А что такое грех? – повернул к ней заплаканное опухшее личико Жора.

– Грех? – задумалась Варвара Сергеевна, подыскивая подходящее для ребенка объяснение. – В том числе преступление против живого. Видишь ли, наша жизнь принадлежит не совсем нам. И отбирать ее у кого-то из страха или ненависти – это грех.

– А кому она принадлежит? – оживился Жора, привстал и сел, свесив ноги, рядом с ней на диван.

– Сначала – высшей силе, – отчего-то уверенная в том, что Регина не посещает православный или какой-либо другой храм, пространно ответила Варвара Сергеевна. – И только потом, как подарок небес, нам самим.

– Не понимаю! – воскликнул мальчик. – Я сейчас! – Он вскочил с дивана и выбежал из комнаты. Через несколько секунд вбежал обратно, держа в руке ежедневник. – Это теперь мое, так? Ты мне вчера его подарила? И чей он теперь?

– Теперь он твой.

– Ты мне его подарила, а значит, он теперь принадлежит мне, так?

– Так.

– Тогда ты сказала глупость! – в очередной раз поставил ее в тупик своим нехитрым умозаключением пятилетний ребенок.

За неимением разумного ответа она решила по-другому обыграть эту тему:

– Он твой. И все, что ты решишь туда записать, во многом сформирует, то есть повлияет на твою жизнь.

– Это как?

– Если будешь писать слова, которые обозначают только плохое, они возьмут над тобой власть.

– А если хорошее? А если обычные, не хорошие и не плохие слова? – расстреливал ее своими простыми вопросами Жора.

– Можно писать любые. Но тех, которые обозначают что-то действительно ценное и хорошее, должно быть больше. Все! – Она резко встала с дивана. – Давай займемся делами. Иди принеси с улицы белье. Я сделаю несколько конфиденциальных звонков, потом мы попьем еще чаю и будем готовиться ко сну.

* * *

Пока Жора долго и неумело вдевал одеяло в пододеяльник и натягивал на подушку наволочку, Самоварова успела сбегать к калитке.

Пес сидел на том же месте.

– Эй! – крикнула она, прижавшись к забору. – Шел бы ты отсюда, а то мой гость тебя боится.

Два черных, похожих на огромные маслины глаза, внимательно, словно проверяя на прочность, глядели на нее в упор.

Явной агрессии в его взгляде не было, но что-то в животном – не столько размеры и отсутствие ошейника, сколько нечто невыразимое, иное, – заставляло его остерегаться.

Глядя на собаку, Самоварова чувствовала схожее с тем, что и вчера после внезапного знакомства с Регининым сыном: позвонить в службу отлова она не решалась (вдруг пес удрал с участка и это доставит его хозяину лишние хлопоты), но и покормить тоже: если пес бродячий, потом, глядишь, не отвяжется, и тем самым она наживет на ровном месте еще одну проблему с мальчишкой.

Понадеявшись, что животное, не дождавшись еды, уйдет, она вернулась к дому.

Присев на террасе в любимое плетеное кресло, достала из кармана мобильный.

Хотела было набрать Аньке, но передумала и написала короткое сообщение на Ватсап: «На даче навели порядок. Когда вас ждать?»

Отправив, набрала доктора.

Он не снял трубку, а следом, почти сразу, прилетело давно привычное: «Не могу говорить. Перезвоню».

Анька, судя по двум появившимся галочкам, сообщение прочла.

Варвара Сергеевна ощущала на расстоянии, как дочь, давя в себе раздутую обиду, раздумывает не столько над ответом, сколько над тем, отвечать ли матери вообще.

Глядя на экран телефона, с заставки которого ей беспечно улыбалась внучка Лина – светленькая, с короткой, модной стрижкой, в яркой розовой футболке, Самоварова почувствовала сильнейшую, накопившуюся за два долгих дня усталость.

И дело было вовсе не в том, что левая лопатка гудела от непривычной физической работы по дому, а пятки горели от еще не разношенных новых балеток, и даже не в чертовой Регине, дело было в другом.

Решившись взять под опеку чужого ребенка, она никому не причинила вреда.

Это был ее выбор и ее право поступить так, как велела совесть.

Так почему же в эти два дня она испытывала то, что не должна испытывать здоровая, зрелая личность? Неизбывное чувство вины перед дочерью и внучкой и непреходящую неловкость перед доктором – самыми близкими для нее людьми?!

Разве не приятие и доверие определяют истинную близость?

И что такого страшного для них произошло?!

Но как бы то ни было, ей нужно было определить для себя некий дедлайн – день, час, минуту, в которую она должна принять решение о дальнейшей судьбе мальчика, – и все-таки обратиться в органы опеки.

Выкурив папиросу, она решила протянуть до понедельника, а после вернуться с мальчишкой в город.

Словно прочитав ее мысли, мобильный залился звонком.

На экране высветилось пугающее слово «Аноним».

– Аллю! – уже зная, кто это, моментально ответила Самоварова.

– Аря, – с придыханием, словно на бегу, затараторила Регина, – Жора рядом?

– Нет, но может быть рядом в любой момент, – оглянувшись на полуприкрытую входную дверь, прошептала Варвара Сергеевна. – Черт тебя побери, что происходит?!

– Аря, очень коротко. Телефон чужой, лоха одного. Я уже не в России. Короче, меня по-крупному подставили. Помнишь Петю-мента? Его арестовали как раз под тот, наш с тобой Новый год. Пару месяцев назад он вышел по УДО, нашел меня и стал требовать, чтобы я вернула общак. Но общак остался у налогового Максима. Петя его разыскал, а тот перевел стрелки на меня. Они прознали, что у меня есть ребенок. Деньги закончились, мне надо было на что-то жить. Я вернулась к целительству, ну так, влегкую, скорее как обычный психолог. Короче, Макс через подставных лиц вывел меня на подставного же клиента, который, в свою очередь, обвинил меня в краже драгоценностей. Мне поставили условие: или я возвращаю общак – или уголовка.

– Ты должна сказать мне правду, – под участившиеся удары сердца, ответила Самоварова, – иначе не помогу с твоим Жорой.

– Аря, клянусь, общак всегда был у Макса, а он, подозреваю, еще по каким-то их общим делам Петю кинул и все стрелки перевел на меня! Чужие цапки я не брала, безопасность Жоры значит для меня все! Жора – все, что было, есть и будет хорошего в моей сраной жизни, понимаешь?! Макс, сука конченная, сделал меня козлицей отпущения, рассчитывая на то, что у меня остались еще с тех времен приличные деньги и я, испугавшись, отдам их Пете, чтобы он отстал от Макса. Ты можешь по своим каналам навести о них справки, проверить, какие они гниды, и тогда, надеюсь, поверишь, что я не вру!

У Самоваровой кружилась голова.

– Когда вернешься? – глубоко затянувшись папиросой, выдавила она.

– Жора с тобой в безопасности. Все же они не убийцы, просто мерзкие и грязные люди, да и деньги там, поверь, не те... Как только решу вопрос с нашим переездом в Москву или еще в какой город, сразу вернусь. Дай мне пару-тройку недель или месяц!

Дверь за спиной скрипнула, и раздался уже знакомый, настырный и звонкий голосок:

– Я все застелил! Доставай свой ноут, будем смотреть сериал, ты обещала.

– Это Жора? – голос Регины на миг наполнился густой, обволакивающей теплотой. – Жора, да? Аря, он не должен ничего знать. Все, отбой. Я еще позвоню.

– С кем ты говорила? – подойдя и уставившись на дымившуюся папиросу в ее руке, спросил мальчик. – Тебя что, расстроил твой нудный муж? Ты какой хочешь смотреть, где про катран или где про убийцу с топором? – доставал Жора вопросами липкую и тяжелую пустоту вокруг.

* * *

На следующий день, когда служба доставки интернет-магазина привезла заказ, Самоварова обнаружила, что забыла заказать сахар. Размещать новый заказ и ради копеечного сахара оплачивать доставку ей не хотелось, да и прогуляться с мальчишкой не помешало бы.

Упрямая Анька так и не позвонила, даже не ответила на сообщение.

Доктор вечером отзвонился и уставшим голосом коротко отрапортовал о своих делах, спросил про Жору и не слишком охотно пообещал приехать, как только сможет.

Когда вышли из калитки, от Самоваровой не укрылось, что мальчик первым делом бросил тревожный взгляд на то место, где накануне сидел пес.

Она решила отвлечь его разговором, но тут мимо них по центральной дороге поселка сердито промчался черный минивэн с красной траурной лентой на боку и надписью «Следственный комитет».

На кражи или «бакланку», а по-простому хулиганство, как было известно Варваре Сергеевне, выезжала оперативно-следственная группа местного отделения. СК занимался делами пострашнее: убийствами, изнасилованиями и иными тяжкими преступлениями.

Машина остановилась почти посреди поселка, и, когда они с Жорой подходили к этому месту, Варвара Сергеевна замедлила ход.

Дом, у которого стоял автомобиль, был окружен довольно высоким забором.

Жора, любопытный чертенок, вытянув шею, пытался разглядеть, что находится в глубине участка за наполовину приоткрытой железной глухой калиткой.

Широкая дорожка, ведущая к дому, была выложена тротуарной серой плиткой, слева и справа от нее зеленели аккуратно подстриженные кусты, за ними возвышались сосны. На участке никакого движения не наблюдалось, значит, сотрудники СК уже вошли в дом.

Стоять и пялиться на пустой участок не имело смысла, и Варвара Сергеевна, хоть и была преисполнена тревожного любопытства, потянула мальчика за руку:

– Пошли.

Навстречу им спешила женщина – низенькая, коренастая, с небрежным каре наспех причесанных светлых волос, в дешевом спортивном костюме.

– Что там такое опять? – подскочив к Самоваровой, безо всяких приветствий спросила она, будто той точно было что ответить.

– Не знаю. Вероятно, что-то случилось, – пожала плечами Варвара Сергеевна.

– Я через дом отсюда живу, – доложила женщина и громко вздохнула: – Уж как не повезло с соседями!

– С какими именно? – уточнила Варвара Сергеевна.

Женщина нарочито удивленно выпучила глаза:

– С какими?! Вы что, не знаете, с какими? С генералом этим! – Обернувшись, она ткнула пальцем с коротко остриженным, без лака, ногтем в каменный, двухэтажный, приличный по здешним меркам дом за забором.

– Это же дом Полякова? – поймав в себе вчерашнее ощущение, подсасывающее невероятной тревогой, догадалась Самоварова.

– Ну конечно! Мента этого отставного дом. А вы как будто не знаете.

– А что я должна про него знать? – пытаюсь копировать интонацию ее голоса, в которой была доля агрессии, часто присущая при первом контакте простым русским людям, спросила Варвара Сергеевна. – Неужто он коррупционер?

– Ой, ну вы смешная! – нервно хохотнула женщина. – Сериалы, наверное, любите? Так там все они, эти, – женщина хлопнула ладошкой по плечу, – коррупционеры. А в жизни-то все еще страшнее...

Самоварова, уже понимая, что эта нервная женщина сама выдаст ей необходимые сведения, неопределенно кивнула.

– Что, и о Марте не слышали? – с нескрываемым любопытством разглядывала ее соседка.

– Нет, мы только вчера приехали, – покосилась Варвара Сергеевна на продолжавшего внимательно изучать машину следственного комитета Жору. – У нас летний домик, мы здесь не живем.

– Понятно... Я тоже не круглый год, но дом-то бросать нельзя. Ой, уж таких соседей бог послал! Ладно... о покойных или хорошо, или никак. Марта-то как умерла в мае, так, прости

господи, хоть тихо у них стало... Только этот черт, как призрак, стал бродить по дороге. А вы, кстати, из какого сами дома?

– Тридцать первый. Это дальше, к лесу.

– Тогда поня-атно... Говорю, вам повезло, – разочарованно протянула женщина, но тут же, собравшись с новыми силами, зачастила: – Повезло, что так далеко от них забрались! Взрослые люди, пора бы внуков нянчить, а у них угар был, как у подростков. Родителей ваших дача или сами покупали? – перескакивая с темы на тему, без стеснения любопытствовала соседка.

– Родителей мужа. И что же они такого угарного делали?

– Веселились и зимой и летом! Гости, музыка, крики.

– Разве это преступление? – сдержанно улыбнулась Варвара Сергеевна. – Хорошо, когда люди не теряют с возрастом жизнелюбие.

– Хорошо, когда люди уважают соседей, – с некоторой неприязнью поглядела на нее женщина. – Ребенок у меня с особенностями, – призналась она и, обернувшись, вперилась взглядом в широкую дорогу за спиной. – Дочка, двадцать пять лет. Колясочница. Врачи говорили, с нашим диагнозом столько не живут, а мы вот все живем под небом голубым. Марта, кстати, хорошо эту песню пела под гитару: «Под небом голубым есть город золотой...»³ – негромко, жалобно и чисто пропела женщина. – Хорошо ей здесь, лучше, чем в городе. Сами знаете, детям полезен кислород, – покосилась она на притихшего и внимательно прислушивавшегося к разговору Жору.

Не успела Самоварова придумать, как вежливо закруглить неожиданно ставший тяжелым разговор, как калитка распахнулась и оттуда быстрым шагом вышел немолодой невысокий полицейский с грушевидной, нетипичной для мужчин фигурой – тяжелым задом и узкими плечами. Окинув взглядом стоявших, он, глядя на Варвару Сергеевну, обратился с вопросом:

– Здесь проживаете?

– Да, – чуя недоброе – как же хорошо ей был знаком этот до крайности напряженный и вместе с тем беспристрастный, словно замороженный взгляд, – подтвердила Самоварова. – В этом поселке.

– Понятыми будете? Документы при себе?

– Могу, – не раздумывая, кивнула Варвара Сергеевна и, опомнившись, добавила: – Но... только вот я с ребенком.

– А вы? – полицейский перевел взгляд на соседку.

– Я?! – испугалась та. – У меня суп на плите варится! У меня инвалид один в доме.

– Хорошо, – быстро соображая, перебил соседку полицейский. – Раз вы готовы, оставьте мальчика на время своей подруге, – приказал он. – И оставайтесь здесь. Найду второго – сразу пройдем на место происшествия.

– Происшествия?! Я... я тоже готова! – моментально засуетилась женщина.

Что поделать, уж так устроены люди, что любопытство в них зачастую перевешивает все остальное.

– Давайте отведем вашего мальчика ко мне, я как раз суп выключу, возьму паспорт, и вместе вернемся! – подойдя вплотную к Самоваровой, заверещала, дыша на нее зубной пастой, соседка, а затем, обращаясь уже к полицейскому, пояснила: – Я буквально в соседнем доме живу, то есть через дом, нам всего пять минут, я только суп выключу, возьму паспорт и дочь предупреджу.

³ Из песни «Город золотой» (ст. Анри Волохонского, муз. Владимира Вавилова). Широкую популярность песня получила в исполнении Бориса Гребенщикова. В оригинальном тексте первая строка звучит так: *Над небом голубым есть город золотой.*

– Вы уверены? – Полицейский поглядел на женщину с недоверием. – Дело-то добровольное, к тому же такое... – сглотнул он и, достав из кармана круглую баночку, бросил в рот черный комочек «снюса».

Жора пойти к соседке согласился, вероятно, новое слово – «колясочница» – вызвало у него интерес.

Соседка с дочерью жила в небольшом деревянном домике, перед которым раскинулся маленький ухоженный палисадник.

«Колясочница» серьезно удивила.

Если бы соседка заранее не сказала, что у нее взрослая дочь, сидящее в инвалидном кресле худосочное создание в белой майке и коротких спортивных трусах можно было бы принять за фриковатого пацана – выкрашенные в марганцовочный цвет пакли волос нависали надо лбом, затылок до половины головы был выбрит, а из ушей торчали гроздь металлических сережек.

В комнате, заставленной недорогой, но новой мебелью, было светло и накурено.

У окна красовался мольберт с незаконченной небольшой картиной, выполненной масляными красками: сирень в керамической вазе.

Подобными работами всегда до отказа завалены уличные вернисажи и недорогие, берущие картины на реализацию галереи.

На подоконнике стоял оригинал – только сирень в вазе была давно увядшей. Из переливавшейся разноцветными всполохами колонки-бочонка, примостившегося на полу под окном, негромко растекалась по комнате какая-то тревожная, но красивая в своем музыкальном рисунке песня на английском.

– Ты че, охуела? – окинув встревоженным и одновременно растерянным взглядом вошедших, накинулась сидевшая в коляске на мать. – Это че тут за демонстрация?

– Наташа, – смутилась, но больше как будто для вида мать. – С нами ребенок, выбирай, пожалуйста, выражения.

– Так ты бы предупреждала, что с делегацией! Мобильный, блять, тебе для чего? Сказала, забежишь к Валентине на пару минут! – Она резко скрипнула коляской и, ловко управляясь с ручкой, докатилась до разобранной кровати. Потянувшись вперед, стащила с нее оранжевый плед.

Варвара Сергеевна невольно перевела взгляд на голые ноги Наташи – они были невероятно худы, высушены и напоминали дикие фотографии жертв концлагерей. Девушка, ни на кого не глядя, сердито прикрыла ноги одеялом. Вернувшись к распахнутому окну, взяла в руки пачку сигарет.

– Извините, – опомнилась Варвара Сергеевна, – нам нужна ваша помощь. Меня и вашу маму пригласили в понятия. У соседей что-то случилось. Не могли бы вы приглядеть за моим... э... маленьким родственником? Я думаю, за час мы управимся.

– Это что у них час-то делать? – завершала соседка. – Мне Наташу обедом кормить надо.

– Да прекрати ты меня унижать! – снова вспыхнула девушка. – Кто еще тут кого кормит, неизвестно...

Ее горящий взгляд поблуждал по комнате и остановился на незаконченной картине. Поглядев исподлобья на Жору, она положила пачку обратно на подоконник.

Мальчик смотрел на нее с нескрываемым любопытством.

– Ты художник? – громко спросил он.

– Сегодня да, – уклончиво, но уже без прежней агрессии ответила Наташа.

– Я тоже с мамой рисую. То есть рисую для мамы.

– Мы все с этого начинаем, – усмехнулась девушка. – Сначала все делаем для мамы, а потом уже не знаем, как так вышло, что нам уже практически невозможно что-то сделать для себя.

Жора в силу возраста не придавал никакого значения этим ядовитым словам и уже хозяйски осматривался в комнате.

– Дашь бумагу и карандаш, я нарисую для тебя!

– Ты парень не промах, – вяло улыбнулась Наташа. – Сам возьми, вон там! – Она указала пальцем на заваленный бумагами, карандашами, кистями и банками столик у стены и, посмотрев на мать, уже успевшую подскочить к столику в поисках необходимого, добавила: – Ну че ты суетишься? Иди куда собиралась, разберемся без тебя.

* * *

Зрелище, открывшееся взору вошедших в банный домик, было не для слабонервных.

Даже Варваре Сергеевне, навидавшейся за годы службы в органах всякого, стало не по себе. Большая часть жестоких убийств пришлась на лихие девяностые – искалеченные до неузнаваемости трупы после пыток, жесткие расстрелы конкурентов, взрывы; в последние, относительно спокойные годы службы с «мокрухой» приходилось встречаться существенно реже.

Генерал Поляков лежал на полу, ногами к входной двери.

Лицо его было в крови, один глаз заплыл – верхнее левое веко разбухло, нос сломан.

Поляков был в парадном кителе, надетом на голый торс, и в тех же самых, в которых его видела накануне Самоварова, белых льняных штанах.

На белом кителе вокруг запекшейся коричнево-красной дырки в области сердца растеклось кровавое пятно.

«Огнестрел... – поняла Варвара Сергеевна. – А до того – серия ударов тяжелым предметом по лицу».

По комнате расхаживала, как ее сразу окрестила про себя Варвара Сергеевна, «старая девушка» в бахилах и униформе – следователь и диктовала другой сотруднице полиции, помоложе, в чине капитана, сидевшей на одной из широких деревянных табуреток:

– Комната, три метра на десять. Потолок, – девушка поглядела вверх, – обшит вагонкой, в комнате два окна без видимых повреждений и следов взлома.

– Какой тут взлом? Он сам открыл дверь, – предположила Самоварова и поглядела на четвертого полицейского – высокого кудрявого парня, стоявшего к ним спиной у одного из окон. У его ног лежал раскрытый чемоданчик, и он сосредоточенно пытался с помощью специального порошка, бумаги и кисточки отыскать на подоконнике отпечатки пальцев.

– Вы кто? Из города так быстро приехали? – встретившись взглядом с приведшим их в дом полицейским, то ли с облегчением, то ли с упреком спросила девушка.

– Нет, это понятия. Местные дачницы, – ответил тот.

Самоварова ощущала, как за самой ее спиной тяжело, на грани истерики, дышит соседка.

– Вы что, видели, как покойный открыл кому-то дверь? – продолжая расхаживать по комнате, строго спросила девушка.

– Нет, не видела. Дайте и нам бахилы, – обратилась Самоварова к грушевидному.

Пока соседка, едва удерживая равновесие, облокотившись о стену при входе, напялиwała на шлепки бахилы, Варвара Сергеевна наметанным взглядом продолжала осматривать помещение.

– Руками ничего не трогать. Подойдите и посмотрите, знаком ли вам этот человек, – сказала следователь.

– Есть родственники? – прежде чем подойти к трупу, спросила Самоварова.

– Дочь. Не берет трубку.
– Помощники?
– Пока не выяснили, – окинув ее оценивающим взглядом, сквозь зубы ответила следователь. – Только вопросы здесь задаю я.
– Старый Ваник... – сдавленным голосом сказала соседка. – Он служил у них долгие годы.
– Есть его номер? – оживилась девушка-капитан, продолжая что-то писать в планшете.
– Нет, конечно, нет... откуда? Зачем он мне? Его тут многие знали, он жил у них, потом квартиру где-то неподалеку снял, – пытаясь «заболтать» свой страх и ужас, бормотала себе под нос соседка.

Как позже выяснилось, соседку звали Ласкина Лариса Елисеевна.

Поддерживаемая под руки оперативником, она, наклонившись, опознала генерала и тут же выбежала во двор – судя по звукам, ее там же, у входа в баню, стошнило.

Приблизившись к трупу, Варвара Сергеевна первым делом поглядела на тяжелый золотой крест на почти безволосой немолодой груди.

Тот глаз генерала, что меньше был изуродован кровоподтеками, застыл, будто издеваясь, немым вопросом: «Ну что, майор, не ожидала?!»

Такого – не ожидала.

Такого если и ожидали, то в лихие, давно канувшие в Лету жестокие девяностые – не просто убийство, а убийство с предварительным жестоким истязанием.

Выходит, вчерашнее скверное предчувствие не обмануло...

– Огнестрел с гемопневмотораксом, – отойдя от трупа, машинально сказала она вслух. – Стреляли с расстояния полтора-два метра. Вероятно, пытали, раз так отделали.

– Вы врач? – без особого интереса уточнил продолжавший осматривать труп грушевидный.

– Майор МВД. На пенсии.

– А что же молчали-то, коллега?

«Старая девушка» подошла и протянула ей свою тонкую, сухую, украшенную скромным обручальным кольцом руку.

* * *

– Я видела покойного один раз. Это было вчера. Он представился мне генералом МВД в отставке Поляковым. Его душевное состояние показалось мне странным. Он был бос, вышел из леса. Мы поговорили недолго, и я пошла э... с сыном хорошей знакомой, который временно проживает со мной, к себе в дом, – стараясь сэкономить свое и чужое время, пояснила Варвара Сергеевна, прежде чем сотрудники приступили к бумажной волоките.

– Нет, он не был пьян.

– Нет, он не был агрессивен.

– Нет, он не просил о помощи. – Ответив на этот вопрос, она невольно слукавила – на что-то же генерал вчера ей намекал!

Но следствие, как она прекрасно знала, пространные намеки и фразы «мне показалось» (по крайней мере на этом этапе) не интересовали.

Как только она и Ласкина подписали необходимые бумаги, сотрудники Следственного комитета их отпустили.

«Старая девушка», сдержанно улыбнувшись, поблагодарила за помощь. Грушевидный и кудрявый, то и дело отвечая на звонки, продолжали осматривать в рамках следственных действий труп и помещение, а капитанша продолжала писать.

До дома Ласкиной шли молча.

Переступив порог, соседка, сразу перейдя на «ты», дрожащим от переполнявших ее чувств голосом, предложила:

– Давай по пятьдесят? Коньяк есть приличный. Меня Лариса зовут.

– Варвара. От коньяка не откажусь. Если не слишком хлопотно, лучше с кофе.

Перед тем как пройти на кухню, заглянули в комнату к детям.

Жора сидел на полу и был занят рисованием.

Наташа, вовлеченная в процесс, смотрела на мальчика с высоты своего кресла и, сдержанно улыбаясь, давала советы.

Уходить Жора не спешил.

Взяв чашки с кофе и коньяком, новоиспеченные приятельницы поневоле вышли во двор.

Папиросы остались в доме, и Самоварова попросила Ларису стрелкнуть для нее у дочери сигарету.

Расположились на лавочке в палисаднике.

– Жесть какая! Просто пиздец... – отхлебнув из чашки, с интонацией Наташи выпалила соседка.

Ее все еще ошалевший иступленный взгляд бесцельно блуждал по цветущему саду.

– Ну, у тебя, подруга, и выдержка... – покосилась она на Самоварову.

Варвара Сергеевна поняла, что Лариса, пребывая в состоянии шока, прослушала часть ее разговора со следственной группой.

– Я в прошлом следователь. Еще и не такое приходилось видеть, – добавила она сомнительный для нынешнего состояния соседки аргумент.

– Жуть... И что, часто подобное видела? И как после этого спала?! Боюсь, не усну сегодня.

– Сначала молодая была. У молодых психика быстро адаптируется. А потом... потом просто привыкаешь.

– Не говори Наташе, что его... прямо вот так... Я скажу ей, что он просто умер... Например, от сердечного приступа, как его жена Марта... Наташа у меня девочка крайне впечатлительная.

– Она не девочка, а взрослая женщина.

Выпалив это не думая, Самоварова тут же вспомнила про Аньку и, будто дело касалось кого-то другого, отметила, что, по сути, ее отношения с дочерью мало чем отличаются от подавляюще-опекающих отношений Ларисы и Наташи.

Чувство вины часто присуще родителю любого, хоть больного, хоть здорового ребенка. Дети незаметно вырастают, а чувство это, разрушительное для обеих сторон, остается и заставляет тащить на себе лишнюю ношу, тем самым лишая и родителя, и взрослого ребенка возможности здоровой коммуникации.

Ох, если бы она когда-то сумела проявить волю и очертить границы, если бы сумела привить дочери безусловное уважение к себе и своей другой – той, где она не «наседка», но личность, – жизни, сейчас в лице дочери у нее был бы надежный друг и ей не приходилось бы мучиться неясной виной за свое пусть и спорное, но, по совести, разумное решение помочь чужому ребенку...

С другой стороны, эти же самые «здоровые границы», возможно, ограничили бы родительскую любовь – пусть жертвенную, но чистую и безусловную, такую, какую можно испытывать только к собственному чаду.

– Расскажи мне про Поляковых.

Сигарета была совсем невкусной, будто с привкусом формалина.

– Марта умерла в начале мая... И сразу стало тихо. Так тихо, что даже страшно.

Отставив чашку, еще не пришедшая в себя от пережитого Лариса начала слегка раскачиваться вперед-назад.

– «Под небом голубым, есть город золотой...» – глядя в одну точку перед собой, пропела она. – Знаешь, они, наверное, любили друг друга. Мне-то не понять, у меня мужиков лет двадцать не было. Я давно живу ради Наташи.

– Завидовала им? – без экивоков спросила Варвара Сергеевна.

– Нет, что ты! – перестав раскачиваться, помотала головой Лариса. – Завидовать там было нечему, – зачастила она. – Они, я так думаю, спивались. Мучили друг друга. Кроме Марты, уверена, никто бы не смог жить с Поляковым. При встрече с ним мне всегда казалось, что он болен... не телом, а какой-то душевной, особой болезнью... – Ее голос зазвучал горячо. – У него был такой взгляд, словно сквозь пелену. Так смотрела моя Наташа, когда мы приходили на очередной осмотр к врачам. Взгляд, который пытается пройти через что-то, через какую-то дополнительную защитную заслонку внутри, но не может... Будто человек давно уже не здесь, но выживает кому-то или чему-то назло. Понимаешь разницу? Не ради кого-то, а кому-то назло. Так и моя Наташа живет назло своей болезни... и ненавидит меня за то, что только такую жизнь я смогла ей дать... Хамит мне, да... Ты и сама все видела.

– Перестань! – Варвара Сергеевна мягко прикоснулась к руке Ларисы. – Наташа тебя любит. Вы обе просто устали. Не мое, конечно, дело, но... разреши ей больше свободы, в обычном деле, в любых мелочах. Ее агрессия – всего лишь защитная реакция на твою гиперопеку.

– Возможно, – вновь начала раскачиваться Лариса, – но как по-другому-то, Варвара, как?! Замуж ее никто не возьмет, хоть она и сидит целыми днями в инете и с разными переписывается. Картины вожу на продажу я, за лекарствами рецептурными я, за сигаретами – тоже. Ни то ни другое на дом не привозят. Готовлю я, убираю тоже я... Я нужна ей всегда! Как по-другому?!

– Не знаю... – честно ответила Самоварова.

У нее и самой аргументов опекать свою взрослую дочь по-прежнему имелся целый мешок. И тащить тяжело, и выбросить невозможно.

Решив сменить тему, она, вернувшись к главному, спросила:

– Ты часто видела Поляковых пьяными?

– Генерала не видела. Но он такой всегда был странный, как будто запойный. Не знаю, как было раньше и как он вообще, вот такой, мог дослужиться до большого чина. Они приехали сюда из другого города, когда он уже вышел на пенсию. Поговаривают, дочь у них богатая, вроде она и участок купила, и дом им новый построила. А Марта до самой смерти работала, она была врачом-анестезиологом. Я часто слышала, проходя мимо, как она кричит, ругаясь с мужем, или поет, или смеется. Но здесь она держалась особняком, ни с кем из соседей не общалась. Зато у них часто собирались большие компании. Наташа моя любила посидеть в такие вечера на воздухе, послушать обрывки их песен и хохота. Она натура творческая, ее так и манит к дверкам в чужую жизнь. Своя-то, сама видишь, какая...

– Есть мысли, кто мог его убить? – выдержав паузу, осторожно спросила Самоварова.

– Ой, не знаю... Денег у них больших вроде не было... Говорю же, дочь им помогала. Может, он посадил кого в свое время? Может, месть?

– Сажают судьи, а не милицейские генералы! – отрезала Варвара Сергеевна.

За годы службы подобные мнения обывателей: раз мент, значит, лично кого-то посадил! – осточертели настолько, что, слыша такое, ей сразу хотелось нахамить.

– Ну, я же не знаю, как там у вас все устроено, – спохватилась, почувствовав ее раздражение, Лариса. – Только вот недобрый он был, словно жил без души.

– А Марта?

– А Марта – огонь! Ладная, шустрая, всегда всем улыбалась, хоть и не шла ни с кем на сближение. Она была, – пытаясь поймать нужное слово, сложила большой и указательный пальцы Лариса, – по природе своей аристократкой – великодушной, что ли... как будто порхала над обстоятельствами. Слуга у них был, армянин, старый Ваник, носатый, сутулый. Вот с ним я, бывало, перебрасывалась парой слов. А потом, как Марта умерла, Поляков его куда-то выселил. Но он все равно весь этот месяц приходил, помогал по хозяйству. «Под небом голубым есть город золотой...»

– Ладно, – затушила о землю попусту истлевший окурок Самоварова, – пора нам с Жорой домой.

Встав с лавочки, она потрепала по плечу вновь впавшую в ступор Ларису:

– Проводишь в дом?

* * *

Мобильный, лежавший, в отсутствие прикроватной тумбочки, на лиственном полу рядом с кроватью, разлился настырным звоном и разбудил Варвару Сергеевну.

Номер звонившего не определился.

На часах была уже половина девятого утра.

Жора, к счастью, оказавшийся таким же соней, как и она, сопел на своей раскладушке в паре метров от нее – накануне он наотрез отказался спать в соседней комнате один.

Поглядев на безмятежно развалившегося во сне мальчика: одна нога закинута на другую, руки под пухлой щечкой, тонкое синтетическое одеяло сбито и свесилось на пол, – Самоварова, прижав мобильный к груди, выскочила в коридор.

– Аллю!

Она ожидала услышать голос Регины.

– Варвара Сергеевна Самоварова? – прозвучал низковатый, слишком уверенный и оттого неприятный женский голос на другом конце связи.

– А кто это? – перетаптываясь босыми ногами на остывших за ночь плитках террасы, нелюбезно ответила она вопросом на вопрос.

– Меня зовут Надежда Романовна Полякова. Мои родители – ваши соседи по садовому товариществу «Дубки». Точнее, – низкий голос стал еще ниже, – были соседями. Мы могли бы сегодня встретиться?

– Телефон мой что... опера слили?

– Разве это сейчас важно? – резко оборвала ее говорившая. – Если вы сегодня на даче, думаю, вам несложно уделить мне час. Вчера вы были понятной на месте происшествия и... сами все видели... Так что, простите, у меня нет сил тратить слова на лишние объяснения.

От такого напора Самоварова на миг опешила.

Но вспомнив, что звонившая меньше месяца назад потеряла мать, а вчера – отца, решила, как сказал бы ее зять Олег, «не быковать».

– Что вы от меня хотите?

– Для этого я и предлагаю встретиться, – напирала генеральская дочь. – Не телефонный разговор.

– Хорошо, – раздираемая неприязнью к звонившей, сочувствием к ней и профессиональным любопытством, быстро соображала Варвара Сергеевна. – У меня сейчас в доме маленький ребенок. Если соседка согласится за ним приглядеть, могу уделить вам час.

– Отлично. Я буду ждать вас в доме. Не в том, где вы были вчера, это баня, а в основном, большом.

– Поняла. Не заблужусь.

– Через полтора часа будет удобно?

– Вполне.

* * *

Проснувшись к завтраку, Жора, не успев умыться, схватился за свои вчерашние рисунки. – Тебя жаба не душит, что королеву катрана я подарил Наташе? – рассматривая одно из своих художеств – сидящую на ночном горшке под звездным небом лупоглазую, непропорциональную и анорексичную кошку, спросил он.

– Ты бы лучше у Наташи рисовать учился, а не выражаться, – вытряхнув скатерку, Варвара Сергеевна расстелила ее на круглом столе и разглаживала образовавшиеся складки. – Иди умывайся и приходи есть.

– Так нет же ничего! – поглядел Жора на пустой стол.

– Иди уже. Скоро будет.

На завтрак она пожарила яичницу-глазунью и соорудила бутерброды – хлеб с маслом и сыром, а на другой тарелке разложила итальянскую колбасную нарезку, в числе прочего прибывшую во вчерашней доставке из интернет-магазина.

Себе сварила кофе, мальчику заварила чай.

– Мама звонила? – на сей раз поев с аппетитом и тщательно вытерев рот салфеткой, спросил Жора. От Варвары Сергеевны не укрылось, что он погрузтел.

– Скучаешь? – положив руку на поручень террасы, Варвара Сергеевна, не глядя на него, перебирала пальцами цветок жасмина.

– Ты не такая уж сволочь. Но... ты меня не любишь, а мама любит.

– Ничего себе! – Самоварова, уже взвинченная с утра звонком «генералки», резко встала со стула. – От Наташи новое слово узнал или мать твоя так обо мне говорила?! Так вот, повторяю: я запрещаю тебе в такой тональности со мной и обо мне говорить! Ты... Я торчу тут с тобой ради твоей же безопасности! Невоспитанный маленький эгоист!

Гневные слова застревали в горле, не смея выйти наружу.

Ну как, как она могла сказать этому несносному ребенку всю правду о его матери? О том, почему они все эти годы не общались? О том, как его мать чуть не упекла ее в дурдом? Сказать о том, что она ему никакая не бабушка и вообще не имеет к нему отношения?!

Жора, понурив чернявую голову, злобно сопел.

Самоварова, ожесточенно гремя посудой, начала прибирать со стола.

Когда вернулась из дома с пустым подносом, застала мальчика уже сидящим в углу террасы на полу. Он вжал голову в колени, спина подрагивала:

– У-у-у! У-у-у!

– Вставай! – почувствовав в ответ на его скулеж новый приступ с трудом контролируемого раздражения, грубо тронула она его за плечо. – Здесь пол холодный. Простудишь задницу.

В ответ на это Жора, подняв на нее ненавидящие глаза, еще пуще разрыдался.

– Поговорим как взрослые? – чувствуя себя одновременно и беззащитной, и вместе с тем какой-то нелепой, большой, но неумной, предложила Самоварова.

Ей показалось, что он сквозь рыдания кивнул.

– Вставай. Сядь, пожалуйста, в кресло! – она потянула его за руку.

– Мы оба оказались в непростой ситуации. Так в жизни бывает. Течет она себе, течет и вдруг – раз, происходит что-то экстраординарное. – Варвара Сергеевна намеренно употребила сложное слово, предполагая, что оно заинтересует и отвлечет мальчика. – Понимаешь меня?

– Наташа вчера сказала, – всхлипывая, наконец ответил Жора, – что вы ушли, потому что у соседей случилось экстраординарное...

Он потер свои набрякшие, порозовевшие веки кулачками.

– Давай тащи блокнот, запишем это слово правильно.

После очередного шаткого примирения Самоварова спросила у Жоры, хочет ли он снова пойти к Наташе.

– Очень хочу! – тотчас оживился он. – Она классная! Хоть и курит. Но при мне она не курила, – сдвинув густые бровки и подняв вверх пальчик, с важным видом подчеркнул он.

– Зря она только маме хамит. Это недопустимо. – Тяжело вздохнув, Варвара Сергеевна наскоро проверила сообщения в мобильном – от Аньки по-прежнему ничего не было. – А в целом Наташа мне тоже понравилась.

Закончив уборку, Варвара Сергеевна набрала Ларису. Та, похоже, искренне обрадовалась ее звонку и охотно согласилась, хоть тут же засыпала кучей лишних вопросов, приглядеть, сколько необходимо, за Жорой.

Думая о дочери убитого, Варвара Сергеевна надела простое темное-синее летнее платье, немного подкрасилась и, вспомнив свою встречу с покойным генералом, зачем-то, словно из уважения к его памяти, слегка надушилась.

Лариса встретила их во дворе в задрипанной – футболка и брюки – одежде.

От нее пахло чем-то пережаренным на сковородке с чесноком и луком.

– Ну как ты? – бросилась она навстречу. – Хоть поспала? А я полночи крутилась... Пришлось у Наташки транквилизатор брать... Теперь хожу, как муха пришибленная. И легче не стало, и голова дурная.

Видя, как любопытный мальчишка ловит слова соседки, Варвара Сергеевна, покосившись на него, быстро сделала круглые глаза.

– Ой! – делано спохватилась Лариса. – И кто это к нам пришел? Чаю хочешь с конфеткой? – засюсюкала она.

– Ага! Лучше с двумя! – растянув рот в уже знакомой глумливой улыбке, не растерялся Жора.

– Ну пойдем, пойдем к Наташе. Правда, она сегодня опять не в духе.

Дождавшись, пока мальчик пройдет вперед, Лариса, нагнувшись к Самоваровой, зашептала:

– Пытала меня, как он умер... Я говорю – никак! Выпил, лег и умер. А Жора твой, оказывается, ей все, что видел, рассказал – и про машину следаков, и про то, как полицейский в понятия позвал. Он у тебя, оказывается, читает уже хорошо, раз понял, что на ихней машине написано.

Варвара Сергеевна невольно рассмеялась:

– Он и Чехова уже читает.

– Вот время! Вот прогресс! – заверещала Лариса. – Дети с пеленок читать умеют, любой подросток – считай хакер, а вирус какой-то сраный все умы мира до сих пор победить не могут. Ты, кстати, ревакцинировалась? А чем?

– Отвод у меня, – дабы не развивать проблемную, успевшую расколоть мир надвое тему, быстро ответила Самоварова. – А что Наташа? Рада будет нашему визиту? Ты же сегодня ее, надеюсь, предупредила?

– Жоре-то рада... Она говорит, он у тебя этот... индиго... Но, говорю же, она меня вчера пытала, в моем-то состоянии! А потом разозлилась, распсиховалась, мол, я из нее дуру полную делаю. Еще вчера, я видела, она полезла искать про генерала в инет, но там пока про этот ужас ничего не написали.

– Думаю, и не напишут, – вспомнив жесткую и решительную генеральскую дочь, предположила Варвара Сергеевна. – На твоём месте я бы рассказала Наташе правду.

– Чтобы потом очередной срыв был? – замахала рукой Лариса. – Ты не знаешь, какая она чувствительная! – И, словно желая подкрепить свои слова, вцепилась в рукав платья Варвары

Сергеевны, подергала на нем тонкую льняную ткань. – Варя! – нервно хохотнув, продолжала соседка. – Всякой чернухи полно в этом гребаном инете. Но там хоть не существующий в ее реальности виртуальный мир. А узнай она, что под боком вот так... ох, как он лежал... как глазом своим страшным пялился... Прямо душа его как из ада глядела... Есть у всех, оказывается, душа, хоть я и думала, что у генерала она давно выгорела.

– У всех есть, – мягко сняла с себя ее руку Самоварова. – Но Наташе лучше скажи правду. Без подробностей. Все равно так или иначе узнает, что Полякова убили.

– А индиго твой про смерть его знает?

– Нет. Но ему нет и пяти. А Наташе?

– Скоро двадцать пять.

– Разница есть.

Вчера, когда вернулись домой, она, памятуя слова Жоры после встречи с генералом о том, что «смерть стоит у него за спиной», не стала рассказывать мальчику, что умер именно тот человек, которого они видели недавно на дороге.

Сам факт его столь ярко выраженного в эмоциях «предчувствия», рассказ о гибели старика в парке, говорил о том, что ребенок, несмотря на повторяющееся агрессивное и, увы, вполне объяснимое в его ситуации поведение, очень чувствителен.

Да уж, ему было в кого...

Правдивый рассказ о произошедшем в доме Поляковых жутком событии нанес бы его лабильной психике еще больший вред.

На ее счастье, после знакомства с Наташей Жора был увлечен своими рисунками и этой необычной девушкой.

«Дай бог, у нее хватит ума не обсуждать сейчас с ребенком свои предположения!» – в смятении думала Самоварова.

Наташа сидела в кресле, одетая в джинсовые шорты и короткую маечку.

Холст с сиренью был почти закончен, не хватало только глубины цвета в букете и мелких предметах вокруг вазы.

– Сегодня нарисуюшь собаку, – сдержанным кивком поприветствовав Самоварову, обратилась девушка к Жоре, как к старому знакомому.

– Я ненавижу собак.

– Вот и нарисуй мне такую собаку, которую ты ненавидишь, – скользнув по нему пристальным взглядом, не отступала Наташа.

– Монстра, что ли?! – удивленный ее ответом, Жора приоткрыл рот.

– Как чувствуешь, так и рисуй. Что застыл, как памятник? Иди к столу, бери карандаш и бумагу! – В ее глазах мелькнул радостный огонек.

– Я вернусь примерно через час, – обратилась к девушке Самоварова.

Наташа, взяв в руки кисть и повернувшись к холсту, пожала плечами и не ответила.

– Мам, кофе мне сделай, покрепче! – вернувшись к работе над картиной, крикнула она замешкавшейся в коридоре матери.

В ее требовательном, хорошо поставленном голосе уже не было вчерашней агрессии.

* * *

Внешний вид дочери генерала не соответствовал тому образу, который успел сложиться в воображении, – образу бесполой категоричной прокурорши.

Надежда Романовна была уютно полноватой, невысокой, с короткой, лаконичной и модной стрижкой выкрашенных в натуральный светлый оттенок волос.

Лицо ее, с правильными тонковатыми чертами, можно было бы при других обстоятельствах назвать даже милым, но фиолетовые тени под глазами, скорбная складка на переносице, плотно сжатый узкий рот и ледяной, с застывшей в нем горестной растерянностью взгляд небольших карих глаз делали ее облик не то что отталкивающим, скорее предостерегающим – «не лезь ко мне!».

Одета она была просто, но дорого – в черную трикотажную футболку, ненавязчиво расшитую по вороту мелкими стразами, и в трикотажные черные, хорошо скрадывающие недостатки фигуры свободные брюки.

Встретив Самоварову там, где и положено хозяйке встречать не бывавших ранее в доме гостей, – у ворот, она, сдержанно поздоровавшись за руку, сразу повела в дом.

Попав в просторную, но темную прихожую, Варвара Сергеевна замешкалась, не зная, как поступить с обувью – в доме была плитка, и ходить по ней босыми ногами она не хотела, так как всю прошедшую зиму промучилась с циститом. Попросить у едва знакомой женщины тапки было не слишком удобным, оставалось только рассчитывать, что в доме найдутся бахилы.

– Не разувайтесь, – уловив ее замешательство, сказала Надежда Романовна. – Здесь не мыли после вчерашнего столпотворения. Тело увезли только к вечеру, а в доме до ночи толклись следователи и криминалисты.

– Так вы вчера приехали? – спросила Самоварова о теперь уже очевидном факте только для того, чтобы завязать диалог.

– Два дня назад прилетела в Питер. Работаю в основном в Москве, часто мотаюсь в командировки. Если бы я была в отъезде, что было бы с телом?

Она говорила отстраненно, так, словно речь шла не о ее отце.

Самоварова особо не удивилась: у некоторых людей шок от случившегося вызывает ступор.

– То же самое. Увезли бы в морг.

– Понятно. Мы можем подняться и пройти на балкон, он на втором этаже, как раз в кабинете отца, а можем, если хотите, остаться здесь, – она указала на небольшую зону отдыха – два кресла, телевизор и стол, – примыкающую к кухне-столовой.

– Лучше подняться, – предложила Самоварова, ее профессиональное любопытство – ничего не поделаешь! – жаждало любых деталей из оборвавшейся жизни ее не случайного, как оказалось, знакомого.

В ушах звучали его странные слова о том, что она может ему помочь, «но не сегодня».

– Помощников здесь нет, – словно испытывая некоторую неловкость, сказала Надежда Романовна, – но у отца в кабинете вроде была кофемашина.

На втором этаже было три комнаты, разделенных небольшим коридором: хозяйская спальня, гостевая и кабинет генерала.

Ремонт и убранство дома, насколько успела разглядеть Самоварова, были далеко не роскошными, но качественными и продуманными в мелочах.

Для живших здесь людей это место (в отличие от доктора или той же Ларисы) однозначно было не летним домом, но местом постоянного проживания.

Посреди кабинета уверенно занимал свое место массивный дубовый письменный стол с придвинутым к нему солидным кожаным креслом.

На столе царил идеальный порядок – тяжелая, на основании из камня, подставка для письменных принадлежностей, величавая кабинетная статуэтка бронзового орла, хрустальная пустая и чистая пепельница и настольная, похожая на казенную, с матовым овальным плафоном лампа.

Еще в кабинете был небольшой дубовый шкаф и одинокий обшарпанный венский стул, задвинутый в угол.

На гладко выкрашенных в бледно-зеленый цвет стенах висело несколько маленьких, обрамленных в простые деревянные рамы картинок старого Питера и только одна личная фотография.

Это была не обычная современная фотография, но литография – генерал Поляков и, вероятно, его покойная жена.

Визуализация, притягивающая взгляд выразительными, несколько гипертрофированными чертами лиц, была черно-белой, и потому сложно было судить как о возрасте запечатленных на снимке, так и о том, насколько была хороша собой покойная супруга покойного же генерала.

На литографии у нее была короткая и пышная за счет вьющихся волос стрижка на основе каре, на шее – цепочка с кулоном. Она сидела на стуле с овальной спинкой, генерал, демонстрируя офицерскую выправку, стоял рядом.

Попав в кабинет, Надежда Романовна первым делом подошла к кофемашине, стоявшей на небольшом, в цвет шкафа и стола, комоду у выхода на балкон.

– Надо же, – заглянув в контейнер, удивилась она, – даже вода есть. Надеюсь, свежая... Отец любил здесь пить кофе один. Он вообще любил подолгу оставаться один. А ваши коллеги здесь хорошо вчера пошуровали, – она театрально указала пухлой рукой на стол и шкаф. – Надо отдать им должное, все вернули на места. Отец был педант, маниакально следивший за порядком на своей территории, – попыталась улыбнуться она.

– Я уже заметила, – кивнула Самоварова.

В поисках капсул Надежда Романовна принялась шумно открывать ящики комода.

Варвара Сергеевна, так и не полюбившая «капсульный» кофе, хорошо чувствовала волнение, исходившее от дочери генерала, выражение лица которой при этом не менялось.

– Давно вы здесь? Когда приехали? – вставив патрончик в кофемашину, спросила «генералка».

– Позавчера.

– А дом в этом поселке у вас давно?

Ожившая кофемашина неуместно радостно заурчала в ответ.

– Родители мужа здесь жили практически с самого начала. Насколько знаю, этот поселок как дачное товарищество существует годов с пятидесятых прошлого века.

– Вам с сахаром? – пропустив ответ мимо ушей, спросила Надежда Романовна. – Должен быть на кухне, я спущусь.

– Нет. Я, как и ваш отец, предпочитаю без сахара.

Надежда Романовна наигранно вскинула брови:

– Вы действительно следователь. А что еще вы успели понять про отца?

Она протянула Варваре Сергеевне чашку кофе, рука ее заметно подрагивала.

– Спасибо, – кивнула Самоварова. – Как вы уже сами сказали, ваш отец, судя по кабинету, был педант. А по слухам, э... человек с необычайно тяжелым характером. Он, кстати, не пил?

Лицо генеральской дочери на миг залилось румянцем.

Не отвечая, она отвернулась и приоткрыла дверь на балкон.

Эта привыкшая прятать свои эмоции женщина, еще каких-то два часа назад уверенно диктовавшая ей по телефону условия, теперь, при личной встрече, явно не знала, с чего начать.

Возможно, так на нее действовало это место, где все вокруг еще дышало ее покойным отцом.

– Итак, что вы от меня хотите? – поставив чашку на низкий ротанговый стол, взяла быка за рога Самоварова.

– Присядьте. – Надежда Романовна указала рукой на одно из двух стоявших на маленьком балконе плетеных кресел. – Я хочу, – тяжело осев в кресло и почти не разжимая губ, начала она, – чтобы вы выяснили, что здесь вчера произошло.

– Так следственный комитет уже этим занимается.

– Само собой. Я с ними на связи. Но я хочу, чтобы вы провели собственное расследование, – разглядывая свои овальные, с телесным шеллаком ногти, с вернувшейся твердостью в голосе не сказала, а скорее приказала генеральская дочь.

– Зачем? – не спуская с нее пристального взгляда, спросила Варвара.

– Я коллегам вашим не слишком доверяю! – сухо и зло отвечала Надежда Николаевна. – Пока еще в С-ре жила с семьей, помню, как в девяностые – нулевые свои же издевались над отцом. Подробностей, само собой, не помню, но в вашей системе всегда царил бардак.

– В девяностые разное было. А еще я очень не люблю обобщений, – отрезала Варвара Сергеевна. – Итак, что вы хотите конкретно от меня?

– Случившееся вчера не должно попасть в новости и соцсети, – уходила от прямого ответа «генералка». – Это я уже взяла под контроль. И у меня к вам личная просьба: вторая свидетельница, соседка Ласкина... Вы могли бы с ней переговорить на предмет неразглашения информации? Надеюсь, она еще не успела разнести сплетни по всему поселку. У нее большая дочь, и я сегодня же переведу ей на карту весьма ощутимую для них сумму на лекарства. Дом этот я скоро продам, но мне бы очень не хотелось, чтобы от нашей семьи остался здесь нехороший след.

– Произошло убийство. Столь тяжкое преступление скрыть невозможно.

– Вы не вполне меня поняли, – чеканила слова Надежда Романовна. – Следственный комитет не будет разглашать информацию. В вашей системе у меня есть связи на самом высоком уровне. Вы же, за определенное вознаграждение, проведете собственное расследование, результат которого останется сугубо между нами.

И впервые за все время встречи она прямо и жестко посмотрела Варваре Сергеевне в глаза.

По ощущениям Самоваровой, эта женщина была давно и глубоко несчастна. Впрочем, Варвара Сергеевна могла и ошибаться.

– Сколько же вы готовы предложить?

– Пять тысяч евро.

Варвара Сергеевна едва себя сдержала, чтобы не присвистнуть – озвученная сумма была более чем солидной.

– Вы должны понимать: я не имею полномочий официально сотрудничать со следствием, – оправившись от минутной растерянности, сказала Самоварова. – Никто не станет разглашать мне результаты вскрытия, тем более информировать о ходе расследования.

– Более чем уверена – у вас есть возможность узнавать все необходимое. Не буду тратить время: мне известен ваш послужной список – где, когда и под кем вы работали. Знаю, в чьей частной конторе подрабатываете сейчас.

Выражение «под кем работали» резануло, но Варвара Сергеевна, понимая состояние собеседницы, решила не заострять на этом внимание.

– Так вот... Мне нужно как можно скорее узнать правду.

– То есть официальное следствие, по-вашему, будет заведомо неудачным?

– Даже если допустить, что они работают на отлично, возможно, им станет известно кто.

Но мне важнее узнать, за что.

Надежда Романовна достала из кармана зарядное устройство «айкос» и пачку ментоловых стиков. Вытащив из устройства мундштук, с силой вжала на нем кнопку.

Самоваровой эта женщина все еще категорически не нравилась, хотя она и пыталась зацепиться в ней за что-то человеческое, хотя бы за общую слабость – курение.

Она никогда не любила подобный тип людей – до мозга костей деловых, удручающе прямолинейных, в любых жизненных ситуациях прущих напролом.

Самоварова поймала себя на неприятной мысли, что, несмотря на горе этой женщины, не испытывает к ней ни малейшего сострадания.

– У меня есть некоторые условия, – дождавшись, пока Надежда Романовна раскурит стик, сказала она.

– Я вас слушаю.

– Первое: без вашей стопроцентной откровенности по любому вопросу мне будет сложно выяснить что-либо помимо тех фактов, которые станут доступны официальному следствию. А сведения о ходе расследования я, как вы понимаете, если и смогу получить, то с некоторым запозданием. И сразу подчеркну: по закону я не имею права расследовать преступления, тем более – убийство. Второе: вы должны сотрудничать со следствием, давать им правдивую информацию. Против своих даже за такие деньги я играть не стану.

– Ну что вы! – оскалив ровные мелкие зубы, «генералка» попыталась выжать из себя нечто наподобие усмешки. – Я не преследую такую цель. Но, повторюсь, для меня важнее не кто, а за что. Ваша работа будет заключаться в следующем: вы должны восстановить картину последних месяцев, а то и лет жизни отца. Написать, если так можно выразиться, не формальный отчет, но подробный рассказ о том, что могло с ним произойти. Не любите писать – расскажете на словах, – заметив, как напряглось лицо Самоваровой, добавила она. – Так сложилось, что в последние годы я мало общалась и с ним, и с матерью. Раскрытие правды для меня вопрос принципа, вопрос, если хотите, некой моральной сатисфакции – за то, что в нашей семье все сложилось так, как сложилось.

– Вы не любили их? – прямо спросила Самоварова. – Своих родителей?

– Я очень занятой человек, – ушла от прямого ответа Надежда Романовна. – И я лишь в общих чертах представляю, чем они жили последние двадцать лет – с тех пор, как я уехала из нашей квартиры в С-ре.

– Так ваша семья оттуда?

– Да, я родилась и выросла там. Когда отец вышел на пенсию, я уже прилично зарабатывала и смогла купить им этот дом. В С-ре они оставаться категорически не хотели, а с Питером отца связывали молодость, воспоминания, какие-то, еще с той поры, друзья-приятели... Он закончил в Питере академию МВД. Нам с матерью тоже Питер не чужой: пока он учился, мать к нему приезжала, жила с ним в общежитии, а я уехала учиться в питерский университет.

– А где вы сейчас живете?

– На два города: и в Москве, и в Питере снимаю квартиры, мне так удобней. Якорь пока бросать не планирую.

– А почему именно загородный дом, если отец учился в Питере?

– Мать хотела жить на природе, считала, что в городе у нее развивается кислородное голодание, опасное для мозга. А отец... В итоге он делал то, что хотела мать. Так или иначе, она умела добиваться своего.

– Вы часто их навещали?

– Как и положено взрослой дочери – по праздникам, и то, когда удавалось...

– Вы один ребенок в семье?

– Да.

– Ваша покойная мать продолжала работать по специальности, об этом мне успела рассказать соседка. А что с отцом? Чем он занимался на пенсии?

– Читал, гулял. Делал зарядку. Занимался домом – знаете, даже двести квадратов требуют постоянного внимания. Сколько его помню, он всегда был замкнут: работа – книги – снова работа, иногда – походы с матерью в театр.

– Кто-то помогал по хозяйству? – про слугу-армянина Самоварова, конечно, не забыла.

– Да, при доме был человек. Мы зовем его старый Ваня. Он чем-то обязан отцу... – Она осеклась. – Был обязан. Когда мать умерла, отец снял ему квартиру, здесь неподалеку, в

Шушинке. Следователь его уже допросил. Вчера, рано утром, он приехал сюда, топил для отца баню. У него стопроцентное алиби – как минимум за час до смерти отца он был в городе, на рынке. Его знакомая торгует в палатке овощами. Весь день, никуда не отлучаясь, он ей помогал.

– Свидетельство знакомой может быть ложным, следствие это обязательно проверит.

Скиньте мне, пожалуйста, его номер.

– Да, конечно, – Надежда Романовна достала из кармана айфон последней модели.

Пока она копошилась в мобильном, Варвара Сергеевна, искоса ее разглядывая, понимала, что во всем сказанном этой женщиной с умело подтянутым филлерами лицом не было ни лжи, ни искренности, однако в ней, уже не умевшей жить ничем, кроме достижения конкретных целей, горело желание соприкоснуться, хотя бы необратимо запоздало, с ненужной ей все эти годы правдой о самых близких – и, увы, давно далеких для нее людях.

– Соседи говорят, ваши родители частенько устраивали вечерники. Соседи даже жаловались на шум. А вы говорите, отец был замкнут. Не находите противоречия?

– А я их не ищу, это теперь ваша работа. – Надежда Романовна, предварительно удостоверившись, что ее мобильный находится в беззвучном режиме, поспешно убрала его обратно в карман. – Мы не часто общались. Но мама была... – сдвинув брови, она подбирала нужное слово, – довольно жизнерадостным человеком.

– Как она умерла?

– Скоропостижно. Сердечный приступ.

Лицо генеральской дочери на миг исказила душевная боль.

– Ваша мать умерла совсем недавно. Вы ведь, конечно, были на похоронах, несмотря на вашу занятость? – не сдержала горького сарказма Самоварова.

Удивительное время, удивительный новый мир!

Единственная дочь в семье, трудяга, наверняка уже с МВА, пьющая по утрам смузи, расщедрившаяся родокам на экологически чистую загородную старость, похоже, правда плохо понимала, чем жили ее покойные родители.

Зато наверняка знала про курс биткоина и биржевые котировки, цифровые технологии и будущее с прививками, имплантами и клонами, но без любви и даже без секса.

– Конечно. Ее похоронили на старом кладбище неподалеку отсюда, в Шушинке. Я купила там место. Семейного склепа у нашей скитающейся семьи нет, – неприятно усмехнулась она. – Мать была, считайте, сиротой, а родня отца – мои дед и бабка – лежат в городском колумбарии С-ры. Но мать в последнее время как будто стала верующей, а по христианской традиции тело не следует сжигать.

– Ничего странного в ее смерти не было?

– Если не считать странным, что ей было всего шестьдесят два года. Отец отъехал по делам, а когда вернулся, нашел ее здесь, в этом доме, в кресле... она была уже мертва. Сначала я была уверена в том, что, если бы в доме в тот день был отец или старый Ваня, ее удалось бы спасти. Но врачи в один голос сказали: нет. Обширный инфаркт. В марте она переболела ковидом. Мать была антипрививочницей. К сожалению, таких немало во врачебной среде. Скорее всего, инфаркт был последствием ковида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.